

В. ЛАЗУРСКІЙ.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

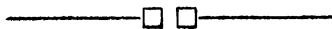
Семья гр. Л. Н. Толстого, Л. Н. Толстой и В. Г. Чертковъ, разговоры съ Л. Н. Толстымъ о писателяхъ и проч.

МОСКВА.— 1911.

В. Лазурскій.

ВОСПОМИНАНІЯ
○
Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

Москва. — 1911.

ТИПОГРАФИЯ В. М. САБЛИНА.

Москва, Петровка, д. Овчинной. Телефонъ 131-34.

СОДЕРЖАНІЕ:

Семья гр. Л. Н. Толстого	1
Л. Н. Толстой и В. Г. Чертковъ	13
Разговоры съ Л. Н. Толстымъ о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ	23
Къ исторіи трактата „Что такое искусство“ ..	59
Л. Н. Толстой и яснополянскіе крестьяне	75
Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ	89

•

Семья гр. Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой въ кругу семьи, его отношенія къ женѣ и дѣтямъ изображались неоднократно.

Думаю однако, что черты семейной жизни гр. Толстыхъ, которыя я намѣренъ здѣсь воспроизвести по личнымъ наблюденіямъ, будутъ небезынтересны для тѣхъ, кто хочетъ яснѣе представить себѣ великаго писателя въ будничной обстановкѣ.

Въ то время, какъ я жилъ и бывалъ въ домѣ гр. Толстыхъ (1894 — 1900 гг.), въ семьѣ ихъ насчитывалось немало членовъ. Старшія двѣ дочери, Татьяна Львовна и Марія Львовна, еще не были замужемъ. Мои ученики, Андруша и Миша, еще учились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Младшая дѣвочка Саша училась дома. Самый младшій, Ванюшка, еще былъ живъ. Совершенно отдѣлился отъ семьи тогда только второй сынъ, Илья Львовичъ, который былъ уже женатъ, имѣлъ дѣтей и жилъ въ своемъ имѣніи. Самый старшій сынъ, Сергѣй Львовичъ, служилъ земскимъ начальникомъ, потомъ бросилъ службу и поселился въ домѣ отца. Третій сынъ, Левъ Львовичъ, уже начавшій тогда печататься, единственный изъ всѣхъ дѣтей Льва Николаевича, занимавшійся литературой, частью жилъ дома, частью уѣзжалъ лечиться.

Когда я въ первый разъ шелъ въ домъ гр. Толстыхъ на Хамовникахъ, чтобы договориться насчетъ занятій съ мальчиками, проф. Стороженко, рекомендовавшій меня къ нимъ

учителемъ, совѣтовалъ мнѣ «подружиться» съ графиней Софьей Андреевной, потому что она, по его словамъ, женщина умная и управляетъ всѣмъ домомъ.

Помню, что первая наша встрѣча съ Софьей Андреевной привела меня въ удивленіе и веселое настроеніе. Графиня не столько говорила о моихъ будущихъ занятіяхъ съ мальчиками, сколько просила меня не увлекаться толстовствомъ. Мой предшественникъ, студентъ, сдѣлался толстовцемъ и бросилъ университетъ. Двѣ старшія дочери, Татьяна Львовна и Марія Львовна, стали заниматься физическими работами и «юродствовать» по - толстовски. Левъ Львовичъ разстроилъ свое здоровье, когда вмѣстѣ съ другими толстовцами отправился на помощь голодающимъ. Графиня боялась за своихъ младшихъ дѣтей. Я съ улыбкой отвѣчалъ графинѣ на ея жалобы и просьбы, что не чувствую въ себѣ склонностей и способностей стать вегетаріанцемъ и толстовцемъ, чѣмъ привелъ ее въ хорошее настроеніе и, повидимому, расположилъ къ себѣ.

У графини, вѣроятно, есть записки о ея долгой супружеской жизни со Львомъ Николаевичемъ. По крайней мѣрѣ она говорила объ этомъ Н. Н. Страхову, который высказывалъ сожалѣніе, что не велъ дневника, когда проживалъ въ Ясной Полянѣ. Пока эти записки не опубликованы, быть можетъ представлятъ интересъ ея рассказы, которые я записалъ въ своемъ дневникѣ.

Разсказывала она о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ яснополянской жизни послѣ замужества. Городская барышня, Софья Андреевна совсѣмъ не знала деревни, народа, не умѣла пользоваться деревенской жизнью, занять себя деревенскими интересами и скучала страшно. «Осенью Лѣва уѣдетъ на охоту на цѣлый день съ борзыми, а я хожу по комнатамъ и не знаю, что съ собою дѣлать. Тетушка пасьянсъ раскладываетъ. По крышѣ барабанить дождь. Тоска страшная. Жду

его къ вечеру, все забочусь, чтобы обѣдъ былъ горячій, а онъ пріѣдетъ усталый и завалится прямо спать. Никакъ я не могла понять тогда, въ чемъ они находятъ удовольствіе; зачѣмъ мучаютъ собакъ, лошадей; для того, чтобы убить за цѣлый день зайца? Потомъ мнѣ стало ясно, что тутъ наслажденіе — цѣлый день оставаться наединѣ съ природой».

Имѣя литературныя наклонности, графиня Софья Андреевна всегда помогала мужу, когда онъ сочинялъ романы, и переписывала его рукописи для печати. Левъ Николаевичъ пишетъ тонкими продолговатыми буквами довольно неразборчиво. Нѣкоторые листы, рассказывала графиня, онъ писалъ такъ, что потомъ самъ ничего не могъ разобрать. Тогда онъ звалъ жену. Софья Андреевна просила оставить ее одну, долго вдумывалась и вдругъ «отгадывала» все содержаніе; переписывала листъ, показывала мужу, и тотъ говорилъ: «такъ».

По поводу Андрея Болконскаго у нихъ въ семьѣ обсуждался важный вопросъ: «уморить его или нѣтъ?» Сначала князь Андрей былъ спасень, потомъ гр. Толстой передѣлалъ это мѣсто такъ, какъ оно напечатано въ «Войнѣ и мирѣ».

«Крейцера соната», по словамъ графини, писалась сначала для актера Бурлака - Артемовскаго, чтобы ее можно было рассказывать со сцены, какъ Бурлакъ рассказывалъ, напримеръ, изъ Достоевскаго. Самый разговоръ пассажировъ въ вагонѣ, который является какъ бы вступленіемъ къ исповѣди Познышева, основанъ на рассказѣ Бурлака. Бурлаку-Артемовскому случалось гостить въ Ясной Полянѣ, какъ и Горбунову. Левъ Николаевичъ очень любилъ ихъ рассказы. «Прежде много интересныхъ людей бывало у насъ, а теперь—всякій сбродъ», прибавила графиня, намекая, повидимому, на случайныхъ толстовцевъ и любопытствующихъ.

«Крейцера соната» была написана сначала гораздо циничнѣе. Соблазнителемъ жены Познышева тамъ былъ не музы-

кантъ, а художникъ. Мужъ засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Сцена эта, написанная въ духѣ Зола, очень не понравилась графинѣ. Она стала настаивать, что это отвратительно, что нѣтъ никакой надобности въ такой сценѣ, что интересна мѣсть мужа, а не дѣйствительность вызвавшей ее причины. Левъ Николаевичъ, слушая возраженія графини, съ неудовольствіемъ морщился, какъ человѣкъ, которому не нравится, что другіе вмѣшиваются въ его дѣла. Однако, въ концѣ концовъ, онъ передѣлалъ «Крейцерову сонату» и оставилъ вину жены Познышева загадочной.

Такъ какъ по поводу «Крейцеровой сонаты» стали ходить слухи, что въ этомъ разсказѣ гр. Толстой изобразилъ ревность, которую онъ самъ пережилъ (объ этомъ говоритъ даже А. Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ), то графиня рѣшила, что ей нужно «очистить свою репутацію въ глазахъ дѣтей». Поэтому она написала автобіографическій романъ «Чья вина?» Ей хотѣлось напечатать этотъ романъ, но гр. Толстой и другіе родные отговѣтовали ей дѣлать это. Романъ «Чья вина?» хранится у графини въ рукописи. Воспользовавшись благопріятной минутой, я упробилъ графиню дать мнѣ на короткое время рукопись и позволить прочесть ее. Романъ написанъ живо. Въ немъ, повидимому, много лично пережитого. Въ противоположность «Крейцеровой сонатѣ», гдѣ въ семейныхъ раздорахъ обвиняется одинаково и мужчина и женщина, въ романѣ графини Софіи Андреевны во всемъ обвиняется только мужчина. Главное дѣйствующее лицо романа — кн. Прозоровскій. Онъ женился послѣ бурно проведенной молодости, когда ему было 35 лѣтъ, на восемнадцатилѣтней Аннѣ, въ описаніи которой графиня не пожалѣла красокъ. Анна—идеальная барышня: чиста, игрива, благородна, религіозна и т. д. Кн. Прозоровскій, напротивъ, грубое чувственное животное. Идя по дорожкѣ сзади своей невѣсты, онъ жадно смотритъ на ея бедра и мысленно ее раздѣваетъ.

Послѣ вѣнчанія молодые ѣхали въ каретѣ, и здѣсь въ темнотѣ, это животное, кн. Прозоровскій, отъ котораго пахло табакомъ, свершилъ то, о чемъ невинная Анна раньше не знала и что ей показалось отвратительнымъ. Чувственная любовь мужа совсѣмъ не удовлетворяла Анну. Тутъ явился чахоточный диллетантъ-художникъ, который повергъ къ ногамъ Анны свою безкорыстную любовь. Ревнивое животное—мужъ, въ гнѣвномъ раздраженіи неосторожно убилъ свою чистую и невинную жену. Таково содержаніе романа графини Толстой, которому, вѣроятно, не суждено быть напечатаннымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Толстой, переставъ писать романы, занялся религіозными вопросами и «сталъ ругать» догматическое богословіе Макарія, графиня Софія Андреевна заявила мужу, что она ему не переписчица, и «вышла въ отставку». Помогать Льву Николаевичу въ его литературныхъ работахъ стали его старшія дочери, а графиня, какъ наследка съ цыплятами, которымъ грозитъ опасность, вся насторожилась противъ своего врага — толстовства. Однако это была внутренняя, домашняя война. Когда же гр. Толстому грозила серьезная опасность извнѣ, въ графинѣ просыпалось чувство вѣрнаго друга, и она самоотверженно становилась на защиту своего мужа.

Такъ произошло, на примѣръ, когда цензура арестовала XIII томъ собранія сочиненій гр. Толстого. Графиня рѣшила жаловаться Государю Александру III, такъ какъ въ XIII томъ вошли статьи, которыя раньше были всѣ напечатаны въ разныхъ журналахъ. Черезъ придворныя связи устроили такъ, что графинѣ былъ назначенъ день для пріема. Приѣхавъ въ Петербургъ, она зашла въ цензурный комитетъ, чтобы предупредить Θεоктистова, что завтра она жалуется на цензуру Государю. Θεоктистовъ сначала показалъ ей списки, въ которыхъ были занесены нѣкоторыя запрещенныя вещи гр. Толстого, потомъ обѣщаль пересмотрѣть дѣло съ секретаремъ.

Вечеромъ онъ самъ явился къ графинѣ и сказалъ, что XIII томъ разрѣшенъ цензурой. Но было уже поздно.

На другой день сама графиня была въ неловкомъ положеніи. На аудіенціи ей приходилось жаловаться не на задержанію XIII тома, а говорить вообще о томъ, что къ ея мужу цензура постоянно придирается. Весь разговоръ съ Государемъ Александромъ III у графини записанъ.

Какой-то французскій журналистъ, побывавшій въ Ясной Полянѣ, выразился о гр. Толстомъ и его женѣ, что это — небо и земля. Такое сравненіе очень удачно. Часто душа писателя въ своихъ мечтахъ рвалась къ небесамъ, а жена его своими заботами о семьѣ тянула его къ землѣ. Конечно, не безъ вліянія лично пережитого, подъ конецъ жизни у гр. Толстого сталъ вырабатываться нѣсколько враждебный взглядъ на женщину. Я говорю «враждебный», потому что какъ иначе назвать взглядъ, высказанный въ слѣдующемъ разговорѣ, который я записалъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ его слышалъ.

Разговоръ шелъ между гр. Толстымъ и его послѣдователемъ Трегубовымъ о томъ, какъ женщины относятся къ толстовству: онѣ идутъ за этимъ движеніемъ до извѣстной ступени, потомъ отстаютъ. По этому поводу Левъ Николаевичъ сталъ въ шутку говорить, что онъ выскажетъ свой рѣшительный взглядъ на женщину лишь тогда, когда почувствуетъ себя наполовину въ могилѣ: «тогда высунусь, скажу и спрячусь, а теперь нельзя — заклюютъ». Но изъ того, что онъ говорилъ вслѣдъ за этимъ, достаточно выясняется этотъ «рѣшительный взглядъ».

Толстой не сомнѣвается, что женщина такъ же, какъ и мужчина, имѣетъ право стремиться къ духовному совершенствованію. По христіанству они оба — равны. Но что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? — спрашиваетъ онъ. У женщины имѣются нѣкоторыя отправления организма, которыхъ нѣтъ у мужчины: она носить, рождаетъ, кормить. А ргіогі можно сказать, что

прибавка такихъ отравленій организма дѣлается на счетъ другихъ. И дѣйствительно, мы чрезвычайно мало видимъ женщинъ, которыя выдавались бы въ сферѣ умственной. Правда, теперь (разговоръ происходилъ въ 1894 году) нельзя такъ говорить. Теперь, кто хочетъ имѣть успѣхъ, тотъ долженъ заигрывать съ молодежью и защищать права женщины. «А я скажу, энергично продолжалъ Левъ Николаевичъ, что молодежь, какъ всегда была зелена и глупа, такъ и теперь глупа. Что же касается женщины, то въ развитіи ея есть какой-то предѣлъ. Въ большинствѣ случаевъ женщины остаются на языческомъ міровоззрѣніи. Вотъ хоть бы жена Хилкова. Кажется во всемъ была согласна съ мужемъ, а пришлось показать свои убѣжденія на дѣлѣ, когда власти отняли у нихъ дѣтей, — словно ничего не было. Теперь она упрекаетъ мужа; говоритъ, что онъ во всемъ виноватъ, что онъ не любитъ своихъ дѣтей, такъ какъ не хочетъ хлопотать объ ихъ возвращеніи. Она требуетъ, чтобы для возвращенія дѣтей Хилковъ отказался отъ основныхъ своихъ воззрѣній».

Въ тотъ же день мы говорили съ графиней Софьей Андреевной — по поводу ея романа «Чья вина?» — объ отношеніяхъ мужчины и женщины. «Вотъ вы какими вопросами занимаетесь!», сказалъ вошедшій Левъ Николаевичъ. Возбужденіе отъ разговора съ Трегубовымъ по поводу Хилковыхъ въ немъ еще не улеглось, и подъ вліяніемъ его онъ сталъ рѣзко говорить о бракѣ.

По его глубокому убѣжденію, тѣ, которые говорятъ о бракѣ, какъ о какомъ-то праздникѣ, тѣ, которые въ романахъ кончаютъ свадьбой, словно это такъ хорошо, что дальше и писать нечего, — всѣ они мелютъ сущій вздоръ. Ужъ если пужно сравненіе, то бракъ слѣдуетъ сравнивать съ похоронами, а не съ именинами. «Человѣкъ шелъ одинъ — ему привязали за плечи пять пудовъ, а онъ радуется. Что тутъ и говорить, что если я иду одинъ, то мнѣ свободно, а если

мою ногу свяжутъ съ ногой бабы, то она будетъ тащиться за мной и мѣшать мнѣ».

Графиня. Зачѣмъ же ты женился?

Левъ Николаевичъ. Я не зналъ тогда этого.

Графиня. Ты, значитъ, постоянно мѣняешь свои убѣжденія.

Левъ Николаевичъ. Всякій человѣкъ долженъ стремиться къ совершенствованію. Лично я не могу жаловаться на семейную жизнь. Напротивъ, моя семейная жизнь сложилась счастливо. Я знаю многихъ, которые очень хорошо сошлись другъ съ другомъ и живутъ хорошо. Но все-таки бракъ не праздникъ. Сходятся два человѣка, чтобы мѣшать другъ другу.

Графиня. А по-моему они сходятся, чтобы помогать другъ другу.

Левъ Николаевичъ. Какая же помощь? Сходятся два чужихъ между собой человѣка, и они на всю жизнь остаются чужими. Сравниваютъ мужа и жену съ двумя параллельными линіями. Какія параллельныя линіи! Я всегда говорилъ, что какъ трудно, почти невозможно отыскать между множествомъ пересѣкающихся линій двѣ параллельныя. такъ трудно встрѣтить двѣ сходныя натуры. Бракъ скорѣе пересѣченіе двухъ линій: какъ только пересѣклись, такъ и пошли въ разныя стороны. Конечно, кто хочетъ жениться, пусть женится. Можетъ быть, ему удастся устроить свою жизнь хорошо. Но пусть только онъ смотритъ на этотъ шагъ, какъ на паденіе, и всю заботу приложить лишь къ тому, чтобы сдѣлать совмѣстное существованіе возможно счастливымъ.

Подобныя рѣчи отца, конечно, дѣйствовали на дѣтей гр. Толстыхъ, но далеко не въ одинаковой степени. Наибольше подпали вліянію Льва Николаевича двѣ старшія дочери, Татьяна Львовна и Марія Львовна. Онѣ были веге-

таріанки, какъ отецъ, занимались физическимъ трудомъ, какъ отецъ, исполняли секретарскія обязанности при отцѣ, вмѣсто «вышедшей въ отставку» матери.

Впрочемъ, толстовство старшей, Татьяны Львовны, съ перваго взгляда представлялось мнѣ не очень надежнымъ. У ней были художественныя наклонности. Она брала уроки живописи у художника Пастернака. Опрощеніе давалось ей съ трудомъ. Отправившись на полевныя работы, она возвращалась къ вечеру домой разбитой и на другой день раскисала. Мнѣ плохо вѣрилось, когда она говорила о своемъ духовномъ возрожденіи, о томъ, что она чувствуетъ, какъ съ нея «спадаютъ цѣпи». Она особенно энергично нападала на бракъ и вскорѣ вышла замужъ за Сухотина.

Гораздо проще и искреннѣе въ своемъ увлеченіи толстовствомъ была вторая дочь, Марья Львовна. Она сама стирала себѣ бѣлье («юродствовала», по выраженію графини), ѣздила въ третьемъ классѣ по желѣзнымъ дорогамъ, отказалась отъ своей части имѣнія, такъ что графиня должна была насильно взамѣнъ этого положить деньги на ея имя въ банкъ. Она открыла въ Ясной Полянѣ школу для крестьянскихъ дѣтей и продолжала заниматься съ дѣтьми у себя на дому, когда власти закрыли ея школу и построили церковно-приходскую. Марья Львовна хотѣла посвятить себя медицинѣ, но это оказалось несовмѣстимымъ съ занятіями у отца. Она помогала Льву Николаевичу вести корреспонденцію, переписывала его рукописи, а это отнимало много времени. Относясь серьезно къ роли помощницы отца, она должна была отказаться отъ мечты получить медицинское образованіе. Пришлось ограничиться посѣщеніемъ отдѣльныхъ лекцій, практикой при хирургическомъ отдѣленіи одной изъ московскихъ больницъ и книгами. Когда въ Ясной Полянѣ не было врача, крестьяне привозили къ ней больныхъ съ ранами, нарывами, опухолями, и она помогала имъ, какъ умѣла. Марья

Львовна позже вышла замужъ за князя Оболенскаго. Недавно она умерла. Не знаю, что осталось у ней отъ толстовства замужемъ, но въ моемъ воспоминаніи она будетъ однимъ изъ лучшихъ образцовъ простоты, искренности и доброты—качествъ, которыя самъ графъ Толстой такъ высоко цѣнилъ въ людяхъ.

Сыновья Толстого остались внѣ вліянія толстовства. Помню, мой ученикъ Андрюша насмѣшилъ меня разсказомъ о томъ, какъ онъ съ младшимъ братомъ Мишей возмущались тѣмъ, что отецъ хотѣлъ раздать имѣніе. «По ночамъ мы съ Мишей слышимъ, папа съ мамой все говорятъ; мама плачетъ. А я говорю Мишѣ: пойдемъ туда, скажемъ папѣ: Какъ ты смѣешь обижать маму!»

Если можно говорить о нѣкоторомъ вліяніи толстовства на его сыновей, то только на третьяго сына, Льва Львовича. Но вліяніе это было преходящимъ. Я узналъ Льва Львовича, когда онъ возвратился домой изъ голодающихъ губерній, гдѣ принималъ участіе въ организованной графомъ Толстымъ помощи голодающимъ. Возвратился онъ больнымъ, съ развинченными нервами. У него была какая-то желудочная болѣзнь, не поддающаяся лѣченію, и это приводило его къ самымъ мрачнымъ мыслямъ. Какъ-то, лежа на солнцѣ въ гамакѣ, онъ мнѣ сообщилъ о своемъ рѣшеніи: «Если не поправлюсь нынѣшнимъ лѣтомъ, пущу себя пулю въ лобъ».

Это былъ баричъ, къ которому по случаю его болѣзни былъ приставленъ особый лакей Митя и надъ которымъ мудрили московскія медицинскія знаменитости, взимая за это съ него большія деньги.

Въ то время Левъ Львовичъ началъ писать повѣсти и печатался въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Въ семьѣ гр. Толстыхъ его повѣстей не одобряли, хотя по манерѣ и идеямъ онѣ нѣсколько напоминали произведенія отца. Кто-то изъ дѣтей говорилъ мнѣ, что по мнѣнію Льва Николаевича, если

кто можетъ писать, то только Илья Львовичъ. Но Илья Львовичъ былъ занятъ хозяйствомъ и, кажется, до сихъ поръ ничего не пишетъ. Графиня Софія Андреевна была очень скромнаго мнѣнія о способностяхъ своихъ дѣтей. Она говорила, что «природа отдыхаетъ» на ея дѣтяхъ. Это было хорошее выраженіе. Изъ біографій великихъ людей мы знаемъ, что природа напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, создавъ генія, дѣйствительно потомъ «отдыхаетъ» въ его дѣтяхъ, предоставляя имъ быть обыкновенными людьми.

В. Г. ЧЕРТКОВЪ.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертковъ.

Въ домѣ Толстыхъ, въ Ясной Полянѣ и въ Москвѣ на Хамовникахъ, мнѣ случалось встрѣчать разныхъ толстовцевъ — и такихъ выдающихся, какъ Чертковъ, Бирюковъ, и другихъ, менѣе значительныхъ, и совсѣмъ незначительныхъ. Долженъ сознаться, что, не выдавъ до 1894 года толстовцевъ, я смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Это предубѣжденіе поддерживали во мнѣ графиня Софія Андреевна и младшія дѣти Толстыхъ.

На языкѣ ихъ толстовцы назывались «темными». Названіе это произошло такимъ образомъ. Когда въ Толстомъ совершился поворотъ отъ художественно-литературной дѣятельности къ религіозно-правственной, въ Ясную Поляну стало пріѣзжать много людей, желавшихъ поговорить со Львомъ Николаевичемъ о душевныхъ дѣлахъ. Графиня и ея дѣти часто видали или узнавали отъ прислуги, что какіе-то, никому неизвѣстные люди, «темныя» личности, приходили въ кабинетъ Льва Николаевича. Среди семьи Толстого въ отношеніи ихъ установилась эта кличка. Толстовцы, близкію ко Льву Николаевичу, ничего не имѣли противъ такого названія и сами себя въ шутку называли «темными». Но въ устахъ дѣтей и графини это прозвище было далеко не лестнымъ.

— Вы знаете, — говорила двѣнадцатилѣтняя Саша, которой знакомая дама подарила на именины коробку конфетъ: — папа очень будетъ недоволенъ; онъ вѣдь темный и не любить, когда ѣдятъ конфеты.

Пятнадцатилѣтній Андруша прямо говорилъ, что терпѣть не можетъ этого рода посѣтителей, что лакеи ихъ тоже не любятъ, потому что не получаютъ съ нихъ на чай: вѣдь у «темныхъ» ничего нѣтъ. Графиня жаловалась, что еще никогда не было такого скучнаго лѣта въ Ясной. Родные не прїѣзжаютъ. Только и видишь всякій сбродъ — «темныхъ». «А вотъ, когда осенью я уѣду въ Москву, — недружелюбно прибавляла она, — ихъ словно плотину прорветъ, такъ и нахлынутъ».

Правда, было нѣсколько толстовцевъ, которыхъ и графиня Софія Андреевна, и ея дѣти безусловно выдѣляли изъ числа «темныхъ». Такимъ прежде всего былъ В. Г. Чертковъ.

По происхожденію, по своему прошлому, онъ былъ чело-
вѣкомъ высшаго круга. У Чертковыхъ, какъ мнѣ рассказы-
вали, въ Воронежской губерніи было имѣніе, приносившее
до 40.000 рублей въ годъ. Мать Черткова стояла близко къ
придворному міру и вела жизнь аристократки.

Правда, она не увлекалась свѣтской жизнью. Будучи по-
слѣдовательницей Пашкова, она въ Петербургѣ устраивала
разныя благотворительныя учрежденія и много на нихъ тра-
тила своихъ денегъ. Ея сынъ В. Чертковъ въ молодости
воспитывался съ Александромъ III, потомъ былъ блестящимъ
гвардейскимъ офицеромъ. Красавецъ и кутила, онъ имѣлъ
большой успѣхъ у женщинъ, и вдругъ съ нимъ произошелъ
переворотъ. Это случилось въ Англии, подъ вліяніемъ ка-
кого-то религіознаго проповѣдника. Къ тому времени въ
Россіи подоспѣло толстовство. Чертковъ познакомился съ
Толстымъ и сталъ по гробъ его вѣрнымъ послѣдователемъ.
За толстовство онъ претерпѣлъ изгнаніе изъ Россіи за гра-
ницу. Въ Англии онъ основалъ журналъ «Свободное Слово»
для популяризаціи толстовскихъ идей, занялся изданіемъ
запрещенныхъ въ Россіи сочиненій Толстого и устройствомъ

Толстовскаго музея, въ которомъ собираются его рукописи и т. д.

По своему внѣшнему виду Чертковъ сразу обращалъ на себя вниманіе. Высокій и плечистый, съ свѣтло-сѣрыми глазами и блѣдноватымъ лицомъ, онъ ходилъ тогда босой въ простой парусиновой курткѣ и такихъ же брюкахъ. Впрочемъ, изъ уваженія къ графинѣ, онъ въ саквояжѣ приносилъ съ собой башмаки и надѣвалъ ихъ въ домѣ Толстыхъ.

Я мало понималъ этого человѣка и съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. То мнѣ припоминалась, что такіе глаза бываютъ на иконахъ святыхъ, то мнѣ казалось, что въ Чертковѣ есть что-то или болѣзненное, или ограниченное.

Чертковъ поселился въ деревнѣ, верстахъ въ пяти отъ Ясной Поляны, съ женой и ребенкомъ. Жили они скромно. Изъ большихъ доходовъ Воронежскаго имѣнія половину брала мать Черткова, часть раздавалась на нужды крестьянамъ; часть бралъ В. Чертковъ на содержаніе своей семьи. Всѣ у нихъ въ домѣ были вегетарьянцы, не исключая мальчика и прислуги.

Друзья Черткова восхищались его необыкновенной искренностью, благодаря которой онъ никогда не боится поставить себя въ неловкое положеніе и потому не бываетъ въ немъ. Болѣе строгіе критики утверждали, что Черткова черезчуръ захвалили, что онъ часто бываетъ наивенъ, а иногда комиченъ въ своемъ упорствѣ.

Пріѣхали какъ-то отъ него Толстые и рассказываютъ, что Чертковъ очень весель по слѣдующему поводу. Работали для него что-то мужики и, конечно, по окончаніи стали просить на водку. Чертковъ вышелъ къ нимъ и заявилъ, что «на водку» онъ дать имъ не можетъ, а вмѣсто того предложилъ купить для нихъ на эти деньги книжекъ или библію. Тутъ же онъ вынулъ брошюру о вредѣ пьянства и прочелъ

ее мужикамъ. Тѣ согласились на предложенную Чертковымъ замѣну, и это его радуетъ.

Это былъ, кажется, самый стойкій и прямолинейный послѣдователь Толстого, никогда ни шедшій ни на какіе компромиссы.

Съ здоровьемъ Черткова въ это лѣто творилось что-то неладное. Я купался съ нимъ въ пруду яснополянскаго парка въ іюнѣ, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе челоуѣка нервно-больного. Чертковъ говорилъ, что рѣшительно не можетъ судить объективно о температурѣ воды, такъ какъ не можетъ довѣрять своей чувствительности. Иногда состояніе его нервовъ таково, что онъ не чувствуетъ холода, каковъ бы онъ ни былъ; иногда онъ боится лѣзть въ воду безъ всякой видимой причины.

Въ іюлѣ онъ былъ уже боленъ изнурительной лихорадкой. Несмотря на то, что пароксизмы мучили его чуть не каждый день, Чертковъ рѣшительно не хотѣлъ обращаться къ доктору и упорно отказывался принимать хининъ.

Пріѣхалъ онъ къ Толстымъ къ обѣду и сѣлъ за столь худой и желтый послѣ вчерашняго сильнѣйшаго пароксизма. За обѣдомъ графиня Софья Андреевна стала рассказывать, что у какого-то знакомаго помѣщика мыши съѣли 4.000 пудовъ ржи, что мышей потомъ стали истреблять и лопатами нагребали въ кучи. «Ну-ка вы, вегетаріанцы», обратилась она ко Льву Николаевичу и Черткову: «скажите, какъ по вашему быть въ такомъ случаѣ?» Чертковъ не задумываясь отвѣтилъ: «Ну, и пускай ихъ покушаютъ. Отчего же эти 4.000 пудовъ непременно должны слопать мы? А убивать мышей не слѣдуетъ: сама природа потомъ такъ устроить, что ихъ не станетъ». Всѣ улыбнулись на такое великодушіе послѣдовательнаго вегетаріанца, улыбнулся и Левъ Николаевичъ. «Нѣтъ», сказалъ онъ, «у меня другая теорія. Я думаю, что мы сѣмъ слишкомъ много хлѣба, сколько намъ

не нужно, и остатокъ хлѣба, котораго некуда дѣвать, съѣдаютъ мыши».

Я увѣренъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Чертковъ сталъ проводить въ свою жизнь принципъ «не убій», блохи, клопы, комары и мухи могли мучить его сколько угодно, не боясь за свою жизнь. Толстой въ этомъ случаѣ придумывалъ нѣкоторые компромиссы. Помню, онъ рассказывалъ, что завелъ у себя порошокъ, который одурманиваетъ мухъ. Мухъ въ безчувственномъ состояніи онъ сгребалъ и выбрасывалъ за окошко. «Думаю, что я поступаю, какъ вегетаріанецъ», съ улыбкой закончилъ свой рассказъ Толстой.

Толстовство Черткова такъ прямолинейно и непоколебимо, что оно можетъ служить отличнымъ примѣромъ и поученіемъ самому Толстому. Мнѣ кажется, это показываетъ слѣдующій случай.

Недалеко отъ вѣзда въ усадьбу, на графской землѣ крестьяне брали песокъ. Они при этомъ выкапывали такія ямы и такъ подрывались въ бокъ, что могъ случиться обвалъ и произойти несчастіе. Левъ Николаевичъ водилъ на это мѣсто инженера Берса, своего шурина, который въ это время гостилъ у нихъ, и совѣтовался съ нимъ, какъ снять верхній слой земли, чтобы открыть песокъ. Наняли копачей. Снятую землю стали спускать въ сосѣдную долину и образовали изъ нея родъ плотины. Такъ какъ по смѣтѣ эти работы должны были обойтись рублей въ восемьдесятъ, то Левъ Николаевичъ придумывалъ разные способы покрыть хотя отчасти расходы на это благое дѣло. Предполагали со всѣхъ берущихъ песокъ на расчищенномъ мѣстѣ, взимать съ воза по пяти копѣекъ. Левъ Николаевичъ обратилъ вниманіе также на то, что въ долину новая плотина стала задерживать воду, и тамъ образуется прудъ.

У него явилась хозяйственная мысль,—завести въ этомъ прудѣ рыбу. Оживленный своею изобрѣтательностью, онъ за

обѣдомъ стали развивать эту мысль: нужно купить рыбу, пустить ее въ воду и т. д.

За этимъ обѣдомъ какъ разъ былъ Чертковъ. Онъ не далъ Льву Николаевичу изложить весь свой планъ новаго рыбнаго пруда и, прямо глядя на него, вдругъ остановилъ его вопросомъ: «зачѣмъ?»

Этотъ вопросъ прозвучалъ, какъ упрекъ истиннаго вегетаріанца, другому вегетаріанцу, который стоитъ на опасной дорогѣ и можетъ забыть свой обѣтъ — не убивать живыхъ существъ. Левъ Николаевичъ какъ будто смутился отъ этого неожиданнаго вопроса, и дѣти, сидѣвшія за обѣдомъ, въ одинъ голосъ закричали: «Папа покраснѣлъ!»

Всѣ стали смѣяться. Смѣялся и Левъ Николаевичъ, но лицо его дѣйствительно было красно. Онъ началъ говорить о томъ, что можно пустить въ прудъ карпій, что карпій рыба хитрая, все прячется въ травѣ и не дастъ себя поймать; наконецъ, что пустить рыбу въ прудъ — это значитъ спасти ее отъ гибели, купить на рынкѣ и выпустить на волю.

Графиня, всегда зорко слѣдящая за толстовцами, сейчасъ же обличила мужа: «Вотъ какъ вывертывается!» Чертковъ, впрочемъ, не былъ такъ жестокъ, какъ графиня, и не сталъ продолжать своихъ обличеній. Ему показалось въ самомъ дѣлѣ очень хорошимъ то, что несчастную рыбу купятъ изъ рукъ торгашей, готовыхъ безжалостно продать ее на сожраіію людямъ, и пустятъ ее въ воду. Онъ на этомъ успокоился и замолчалъ.

Болѣзнь Черткова и его упорное нежеланіе лечиться очень волновали графиню Софью Андреевну. По этому поводу ей было сказано много горькихъ словъ противъ толстовцевъ.

Наступилъ августъ, а лихорадка не оставляла Черткова. Приѣхалъ онъ какъ-то къ обѣду, хотѣлъ посидѣть со

всѣми, но у него начался пароксизмъ. Онъ сидѣлъ за столомъ въ шляпѣ, армякѣ, даже въ рукавицахъ, но не могъ согрѣться и, не дождавшись конца обѣда, уѣхалъ домой. Марья Львовна поѣхала его провожать.

Графиня разгорячилась и стала разносить Черткова. «Онъ отказывается отъ доктора, потому что не можетъ вызывать доктора изъ Тулы въ деревню и платить ему за визитъ 15 рублей, когда тысячи народа не имѣютъ чѣмъ платить докторамъ.

Онъ не хочетъ принимать хининъ, потому что хининъ дѣйствуетъ на мозгъ и заставляетъ терять самообладаніе. Но это безразсудно, глупо — губить себя, жену, ребенка. Если Чертковъ такъ упоренъ, то я сама поѣду за докторомъ, сама заплачу за визитъ. Если бы темные дѣйствительно любили Черткова, они не допустили бы его до такихъ безразсудныхъ поступковъ».

Левъ Николаевичъ слушалъ обличенія своей жены и морщился. «Какъ это ты, Соничка, быстро судишь», началъ онъ по обыкновенію; «люди думаютъ объ этомъ, а ты все вдругъ!» Но графиня была возбуждена и долго не унималась.

Когда Левъ Николаевичъ ушелъ, она все говорила на ту тему, что у «темныхъ» нѣтъ сердечной любви; что они руководствуются принципами, а кто руководствуется принципами, у того будетъ много недоумѣній и путаница въ жизни. Для примѣра она указывала на Черткова и уличала его въ непослѣдовательности. Чертковъ отказывается отъ доктора, потому что мужики этого не могутъ. Но онъ сейчасъ пилъ у нихъ сельтерскую воду съ хересомъ; онъ тратитъ на телеграммы по девять рублей, ѣздитъ во второмъ классѣ. Всего этого мужики тоже не могутъ. Почему же Черткову одно можно, а другое нельзя?

Графиня такъ разошлась, что стала нападать на всю рели-

гіозно-нравственную дѣятельность мужа. Толстовщина выбила изъ колеи и загубила уже многихъ людей. Если бы она поддавалась имъ, то ей пришлось бы отречься отъ всего того, чѣмъ она живетъ; она перестала бы молиться. «Вся толстовщина отъ злого духа, и это дѣло антихриста». Такъ закончила свои обличенія взволнованная графиня.

Что же толстовцы? Какъ они отвѣчали на подобныя несправедливыя обвиненія? Сколько я замѣчалъ, у толстовцевъ, близко знавшихъ графиню, не было враждебнаго и мстительнаго настроенія противъ нея. Вѣроятно, такъ дѣйствовали на нихъ искренность, убѣжденность графини и ея любовь къ мужу.

Марья Львовна, провожавшая больного Черткова домой, вернулась къ вечеру. Она рассказала, что Чертковъ цѣлую дорогу говорилъ ей о томъ, какъ его трогаютъ заботы ихъ семьи о немъ, какъ онъ благодаренъ графинѣ за горячность отношенія, какъ ему грустно, что лѣто проходитъ и ему придется съ ними разстаться.

Графиня таки добилась своего: съѣздила въ Тулу и привезла оттуда къ Черткову доктора. Не знаю, что ему помогло, но зимой я видѣлъ Черткова у Толстыхъ въ Москвѣ здоровымъ и румянымъ.

Разговоры съ Л. Н. Толстымъ о
писателяхъ русскихъ и иностран-
ныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ трактатъ «Что такое искусство?» — ключъ къ пониманію отношенія Толстого къ другимъ писателямъ для всѣхъ доступенъ. Толстой объявилъ, что истиннымъ искусствомъ онъ считаетъ такое, которое проникнуто религіознымъ чувствомъ, общедоступно и способно объединять людей. Оцѣнивая писателей съ такой точки зрѣнія, онъ могъ отобрать изъ всемірной литературы лишь немногіе образцы истиннаго искусства. Какъ на примѣры высшаго, вытекающаго изъ любви къ Богу и ближнему искусства, Толстой указываетъ въ своемъ трактатѣ на нѣкоторыя произведенія Шиллера, В. Гюго, Диккенса, Бичеръ Стоу, Достоевскаго и Джорджа Эллиота. Къ хорошему всемірному, общедоступному искусству онъ относитъ также нѣкоторыя произведенія Сервантеса, Мольера, Гоголя, Пушкина и Мопассана.

Кромѣ этихъ краткихъ отзывовъ, Толстому приходилось высказываться болѣе или менѣе подробно объ Амьелѣ, Гюи де-Мопассанѣ, крестьянинѣ Семеновѣ, Поленцѣ, Эртелѣ, по поводу изданія ихъ сочиненій. Особенно подробно онъ развилъ свои мысли о Шекспирѣ и его драмѣ.

Всего этого недостаточно. Слѣдуетъ пожалѣть, что только послѣднее время нѣкоторые близкіе къ Толстому люди стали изо дня въ день записывать разговоры съ нимъ, какъ это дѣлалъ, на примѣръ, Эккерманнъ, другъ Гете. «Разговоры Гете, собранные Эккерманномъ», систематически записыва-

лись въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ жизни великаго поэта. Эти «Разговоры» имѣютъ громадное значеніе не только для біографіи Гете, но также для исторіи нѣмецкой литературы, искусства, науки и эстетики.

Быть можетъ, Толстой не захотѣлъ бы такъ систематически позировать передъ своимъ Эккерманномъ, какъ дѣлалъ это олимпіецъ и тайный совѣтникъ Гете. Левъ Николаевичъ какъ-то спрашивалъ меня, читалъ ли я старую статью Дружинина о Самуэлѣ Джонсонѣ, знаменитомъ англійскомъ эссеистѣ и лексикографѣ 18-го вѣка. У этого Джонсона былъ почитатель, мистеръ Босвелль, который записывалъ рѣшительно все, что говорилъ обоготворяемый имъ ученый докторъ. Припоминая статью Дружинина, Левъ Николаевичъ смѣялся надъ бѣднымъ Босвеллемъ и удивлялся, какъ у него хватало терпѣнія запоминать всѣ глупости, которыя приходилось говорить Самуэлю Джонсону.

Конечно, Босвелль, написавшій до мелочности подробную и восторженную біографію самолюбиваго и самодовольнаго лексикографа, смѣшонъ въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи. Всякій литературно-образованный англичанинъ улыбнется при имени Босвелля. Но ни одинъ образованный нѣмецъ не улыбнется при имени Эккерманна.

Если Толстой, не любившій позировокъ, не стерпѣлъ бы, вѣроятно, продолжительнаго литературнаго надзора, установленнаго надъ нимъ, то намъ приходится теперь восполнять недостатокъ толстовскаго Эккерманна собираніемъ записокъ разныхъ лицъ, съ которыми Толстой дѣлился своими впечатлѣніями и мнѣніями о произведеніяхъ литературы, искусства и науки. Немало такого рода разговоровъ уже опубликовано. Повидимому, есть немало лицъ, дѣлавшихъ такія записи и еще не успѣвшихъ ихъ напечатать.

Предлагаемый здѣсь матеріалъ я заимствую изъ своего дневника 1894 года, когда я жилъ въ семьѣ Льва Нико-

лаевича Толстого, и записей послѣдующихъ лѣтъ (до 1900 г.).
когда я бывалъ у Толстыхъ.

Я здѣсь отбираю то, что характеризуетъ отношеніе Толсто-
го къ различнымъ писателямъ русскимъ и иностраннымъ.
Конечно, подобнаго рода разговоры не могутъ претендовать
на полноту, исчерпывающую предметъ, или на строгую систе-
матичность.

I.

Лѣтомъ 1894 года, когда въ Ясной Полянѣ гостилъ Ц.Н. Страховъ *), часто журнальныя или газетныя статьи, которыя Страховъ аккуратно просматривалъ, вызывали продолжительныя литературныя бесѣды. Такимъ толчкомъ въ июнѣ послужила статья Николаева о Тургеневѣ, не помню, гдѣ напечатанная. Левъ Николаевичъ предался воспоминаніямъ. «Тургеневъ, рассказывалъ онъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе «Записками охотника». Потомъ я слушалъ «Рудина», котораго онъ читалъ у Некрасова. Были тутъ Боткинъ, Анненковъ, и всѣ глубокомысленно обсуждали романъ. Я изъ нихъ былъ всѣхъ моложе, но я удивлялся, какъ это Тургеневъ могъ написать такую фальшивую, придуманную вещь. Потомъ пошли плохія вещи; иногда прорывались превосходныя, цѣльныя, несочиненныя».

Страховъ, который всегда очень интересовался мнѣніями Толстого, сталъ спрашивать его относительно отдѣльныхъ тургеневскихъ произведеній. Оказалось, что Левъ Нико-

*) Николай Николаевичъ Страховъ, критикъ и философъ славянофильскаго направленія, умеръ въ 1896 г. Объ отношеніяхъ его къ Льву Николаевичу см. біографію Л. Н. Толстого, составленную П. Бирюковымъ, ч. II. Москва, 1908 г.—См. также мою статью: „Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ“ въ сборникѣ т-ства „Образованіе“: „Л. Н. Толстой“. Москва, 1910 г.

лаевичъ отлично помнилъ почти все, но его мнѣнія далеко не сходились съ общепринятыми.

Особенно высоко онъ ставилъ публичную рѣчь Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» и отрывокъ изъ записокъ умершаго художника «Довольно». Въ 1883 году, вскорѣ послѣ смерти Тургенева, по приглашенію «Общества любителей русской словесности» при Московскомъ университетѣ, Толстой собирался читать рѣчь о Тургеневѣ въ торжественномъ засѣданіи этого общества. Въ своей рѣчи онъ хотѣлъ разсмотрѣть эти два произведенія въ связи и показать, что настроеніе разочарованности у Тургенева мало-по-малу смѣнялось вѣрой въ альтруизмъ, какъ средство спасенія отъ пустоты жизни. Толстому запретили выступить на засѣданіи, и его рѣчь о Тургеневѣ не была напечатана.

Изъ другихъ тургеневскихъ вещей Толстой высоко ставилъ «Живыя мощи». Ему нравилась «Новь» своею цѣльностью и вѣрностью изображенія времени и типовъ. Но о такихъ вещахъ, какъ «Пуринъ и Бабуринъ», или «Колосовъ», онъ отзывался, что это «Богъ знаетъ, что такое». Къ тому же разряду онъ относилъ «Вешнія воды», въ которыхъ, по его словамъ, все выдуманно, хотя и хорошо выдуманно.

«Критики, говорилъ Левъ Николаевичъ, все валятъ въ кучу, такъ какъ иному некогда, а другой вовсе не любитъ того, о чемъ пишетъ. А вѣдь нужно различать двухъ Тургеневыхъ: одинъ тамъ, подъ землею на 10 футовъ, а другой сверху. Я часто удивлялся, какъ Тургеневъ, такой умный, изящный, образованный, могъ писать такія глупости. Иногда онъ писалъ, какъ... ну, какъ Немировичъ-Данченко; еще хуже... какъ Мачтетъ, самый плохой Мачтетъ. Средніе таланты пишутъ ровнѣе: высоко не залетаютъ, но и особенно низко не спускаются; напримѣръ, Писемскій, даже Гончаровъ. Вотъ Пушкинъ почти всегда стоитъ на высотѣ, также Лермонтовъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ».

Тѣмъ же лѣтомъ, перелистывая книжки «Вѣстника Европы», Левъ Николаевичъ нашелъ тамъ письма Тургенева къ Аксаковымъ, очень обрадовался и сталъ читать ихъ вслухъ послѣ вечерняго чая. Письма относились ко второй половинѣ 50-хъ годовъ. «Это мое время!» говорилъ Левъ Николаевичъ. Онъ останавливался, чтобы объяснить упоминаемыя Тургеневымъ мѣста и лица; радовался блестящему изложенію, восхищался критическими замѣчаніями Тургенева и повторялъ, читая его характеристику современной французской литературы: «удивительно хорошо!»

Присутствовавшая при чтеніи Барятинская, послѣдовательница Толстого, какъ истая вегетаріанка, ужасалась, слушая частыя въ письмахъ Тургенева перечисленія убитыхъ вальдшнеповъ, курочекъ, дикихъ утокъ и т. д. Но Левъ Николаевичъ лишь смѣялся. Глаза его блестяли, словно онъ переносился мысленно въ ту эпоху, когда и самъ былъ страстнымъ охотникомъ.

Марья Львовна спросила отца, есть ли у него письма отъ Тургенева. «Да, отвѣчалъ Левъ Николаевичъ, есть писемъ десять, хорошихъ, длинныхъ. Они хранятся, вѣрно, у Софьи».

Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» за тотъ же годъ печатались письма Аксаковыхъ къ Тургеневу. Чтеніе ихъ дало новый поводъ для бесѣды.

«Какъ самоувѣренны эти Аксаковы, говорилъ Толстой, а въ сущности они не оставили послѣ себя никакого слѣда. Литературная извѣстность Аксакова-отца раздута; у него было лишь среднее дарованіе. Константинъ былъ самымъ интереснымъ изъ нихъ. Иванъ превосходилъ его талантомъ, но Константинъ былъ чистая, благородная натура. Онъ сорока лѣтъ умеръ дѣвственникомъ, а когда руку подаетъ, то словно дверь зацеमितъ, какъ выражался Тургеневъ».

«Мнѣ всегда было неприятно въ Аксаковыхъ то, что все у

нихъ дѣлалось напоказъ. И православіе ихъ, которое стояло въ связи съ славянофильской системой, было напоказъ. Тургеневъ гораздо искреннѣе ихъ. Онъ былъ невѣрующимъ, но когда его одна барыня заставляла читать «Отче нашъ», онъ и «Отче нашъ» читалъ, и дѣлалъ все это простосердечно и искренно. За это онъ былъ всегда ближе мнѣ, и я думаю, что и передъ Богомъ онъ былъ больше христіаниномъ, чѣмъ они.

«Я всегда говорю: чтобы понять Тургенева, нужно послѣдовательно читать «Фауста», «Довольно», «Гамлета и Донъ-Кихота». Тутъ видно, какъ сомнѣніе смѣняется у Тургенева мыслью о томъ, гдѣ истина». *)).

Мнѣ хотѣлось узнать, какъ смотритъ Толстой на отношенія Тургенева и Віардо. Я ему какъ-то рассказалъ, что въ біографіи Тургенева, написанной И. И. Ивановымъ, Віардо обвиняется въ томъ, что въ ея домѣ Тургеневъ чувствовалъ себя очень одинокимъ. Левъ Николаевичъ книги Иванова не видалъ, но думаетъ, что едва ли это было такъ.

«Віардо любила Тургенева, рассказывалъ онъ, и ухаживала за нимъ, хотя я думаю, что они не были въ связи. Мнѣ передавалъ Берсъ **), что, когда Віардо впервые выступала передъ публикой въ Петербургѣ, ей случилось заболѣть. Берсъ ее «магнетизировалъ», какъ это тогда называлось. Въ состояніи гипноза ее брали за косу, и вотъ всякій разъ, когда къ ея волосамъ прикасался Тургеневъ, Віардо отклонялась. Берсъ объяснилъ это тѣмъ; что она не чувствовала къ Тургеневу женскаго влеченія. Вообще ихъ отношенія такъ и остались для меня тайной».

Если Толстой такъ строго судитъ произведенія Тургенева, котораго изъ всѣхъ своихъ современниковъ самъ при-

*) Говоря такъ, Толстой впадалъ въ хронологическую неточность: «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» напечатанъ въ 1860 г., а „Довольно“ въ 1864 г.

**) Докторъ Берсъ, тестъ Льва Николаевича.

тирѣ, когда охмелѣвшій Жадовъ подпѣваетъ «Лучинушку», а потомъ истерически плачетъ, вызвала у фабричныхъ не сочувствіе къ герою пьесы, а смѣхъ: «всѣ, молъ, были плохи, а теперь самъ вышелъ хуже всѣхъ».

Но въ то же время я не могъ забыть, какъ А. П. Ленскій (нынѣ покойный), извѣстный актеръ Московскаго Малаго театра, высоко ставилъ Островскаго. Своихъ учениковъ въ Императорскомъ Театральномъ Училищѣ онъ воспитывалъ на Островскомъ и сердился, если кому-нибудь приходилось въ его присутствіи сдѣлать неодобрительное замѣчаніе объ этомъ драматургѣ. Когда я сообщилъ Льву Николаевичу объ отношеніи фабричныхъ къ Жадову, онъ нашелъ это вполне естественнымъ. По поводу же моего разсказа о Ленскомъ сказалъ, что, конечно, у Островскаго есть много хорошаго; что онъ самъ высоко ставитъ его совершенное знаніе языка дѣйствующихъ лицъ.

И

Что особенно поражало меня въ Ясной Полянѣ во время нашихъ разговоровъ литературнаго содержанія, — это отношеніе Толстого въ критикѣ и критикамъ. Его взгляды на этотъ предметъ совершенно противорѣчили тому, что я привыкъ слышать въ гимназическіе годы, что считалось передовымъ въ нашихъ студенческихъ кружкахъ.

Мои сверстники въ гимназій — тѣ, которые были, или хотѣли казаться «развитыми», считали послѣднимъ словомъ критики Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева.

Критики, которые въ журналистикѣ продолжали ихъ традиціи, какъ на примѣръ, Скабичевскій, почитались. Кто дерзалъ поднять на нихъ руку, какъ Волынский, о тѣхъ говорили съ негодованіемъ и презрѣніемъ.

Не скажу, чтобы я вполнѣ раздѣлялъ эти мнѣнія, но я не рѣшался спорить съ тѣми, которыхъ считалъ развитѣе себя.

Не скажу, чтобы въ Ясной Полянѣ произошелъ переворотъ въ моихъ мнѣніяхъ, но именно тамъ я впервые ясно увидѣлъ, что кромѣ избитыхъ, общепринятыхъ критическихъ точекъ зрѣнія, могутъ быть другія, что не нужно бояться вслухъ высказывать то, что чувствуешь и думаешь.

Не можетъ быть, чтобы критическія мнѣнія Толстого не измѣнялись. И онъ эволюционировалъ, какъ все живущее; и онъ былъ подъ временными, переходящими вліяніями. По-

этому я не могу ручаться, что то, что я слышалъ и записалъ касательно этого предмета, представляетъ его неизблемныя убѣжденія. Быть можетъ, здѣсь есть случайно преувеличенныя подѣ влияніемъ возбужденія фразы, но въ основѣ ихъ лежитъ что-то толстовское, характерное.

Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ за чайнымъ столомъ я заговорилъ съ Н. Н. Страховымъ о Скабичевскомъ. Страховъ мнѣ сказалъ, что «Исторіи русской литературы» Скабичевского онъ не читалъ, такъ какъ за этимъ авторомъ онъ не признаетъ никакого критическаго таланта и литературнаго значенія. Такое мнѣніе для меня не было неожиданностью. Я зналъ, что Страховъ и Скабичевскій принадлежали къ двумъ враждебнымъ литературнымъ лагерямъ. Но для меня было новостью, что и Толстой въ этомъ случаѣ вполне раздѣлялъ мнѣніе Страхова.

Левъ Николаевичъ, не пившій чаю, но занятый своей похлебкой, скоро вмѣшался въ нашъ разговоръ. Онъ также не читалъ «Исторіи русской литературы» Скабичевского, но зналъ его по журнальнымъ статьямъ.

«Я принимался его читать и бросилъ: ничего не понимаю. Вотъ скоро переведутъ съ англійскаго статью Матью Арнольда о задачахъ современной критики. Онъ прекрасно говорить: задача критики—выдѣлить все выдающееся изъ подавляющей массы написаннаго. А наши критики привязываются къ случаю, чтобы высказать свои мысли. Да и мысли самыя банальныя. Судятъ же обо всемъ съ плеча. Чтобы критиковать, нужно возвыситься до пониманія критикуемаго. И въ этомъ уже важная заслуга. А у нихъ выходитъ такъ, какъ прекрасно сказалъ мой пріятель Ге: «критика—это когда глупые судятъ объ умныхъ».

— А потомъ пишутъ исторію того, какъ глупые судили объ умныхъ, — со смѣшкомъ вставилъ отъ себя Страховъ.

Прошло около полутора года послѣ этого разговора. Въ

декабрѣ 1895 года я былъ у Толстыхъ въ хамовническомъ домѣ въ Москвѣ на субботнемъ журфиксѣ. Было нѣсколько толстовцевъ и близкихъ знакомыхъ семьи. Левъ Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, чѣмъ я теперь занимаюсь. Я отвѣчалъ, что даю уроки по русской литературѣ.

— Читали ли вы статью М. Арнольда «Задачи современной критики» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Пожалуйста, прочтите. Я эту статью давно рекомендовалъ. Теперь ее прекрасно перевели съ англійскаго, но она прошла какъ-то незамѣтно. Я все рекомендую ее молодымъ людямъ. Авторъ въ статьѣ говоритъ, что подъемъ художественнаго творчества бываетъ тогда, когда критика собираетъ весь запасъ лучшаго, что сдѣлано у другихъ. Въ этомъ и должна быть задача критики. А наша критика и теперь еще занимается тѣмъ, что опредѣляетъ, кто выше—Мачтетъ или Новодворскій, или по поводу Тургенева обсуждаетъ вопросъ о вредѣ взятокъ и необходимости восьмичасового труда. Критикъ долженъ быть всесторонне образованнымъ человѣкомъ, знать литературу и древнюю, и западно-европейскую, и русскую. А наша критика отличается особымъ невѣжествомъ.

Тутъ Левъ Николаевичъ принялся безжалостно раздѣлывать русскихъ критиковъ. Бѣлинскій—болтунъ; все у него такъ незрѣло. Правда, у него есть и хорошія мѣста; онъ способный мальчикъ. Но если Бѣлинскаго и другихъ русскихъ критиковъ перевести на иностранные языки, то иностранцы не станутъ читать: такъ все это элементарно и скучно. На Западѣ есть хорошіе серьезные критики, напримѣръ. Лессингъ, Сентъ-Бевъ, Карлейль и др. Правда, Карлейль наперекоръ всѣмъ, какъ-бы изъ упорства, носится съ этимъ своимъ прославленіемъ героевъ, вопреки и времени, и христіанству. Но онъ все же образованный человѣкъ. Наши же «сиволапые» критики, какъ и все русское, скверны. «Бѣд-

ная наша молодежь до сихъ поръ воспитывается на Добролюбовѣ, Чернышевскомъ, Писаревѣ и дальше этого не идетъ. Этотъ Чернышевскій, который въ своей семинаріи начитался умныхъ книжекъ, потомъ выучился читать нѣсколько иностранныхъ книгъ и не можетъ рта собрать отъ восторга, что онъ ихъ знаетъ, и попрекаетъ профессора Юркевича, что тотъ не читалъ этихъ книжекъ. Литература у насъ была всегда выше критики. Хотя бы взять Пушкина: онъ былъ дѣйствительно европейски-образованный человекъ».

Я сталъ возражать и вступился особенно за Бѣлинскаго. На меня лично Бѣлинскій оказалъ большое вліяніе. Я рассказывалъ Льву Николаевичу, что, когда гимназистомъ я въ первый разъ прочелъ описаніе игры Мочалова въ роли Гамлета, сдѣланное Бѣлинскимъ, у меня слезы выступили на глазахъ; и морозъ пробѣжалъ по кожѣ; такъ мнѣ казалось это недостижимо хорошо. Я любилъ Бѣлинскаго потому, что чувствовалъ въ немъ большой и вѣрный художественный вкусъ. Кажется, чего проще—понимать Гоголя, восхищаться имъ и другихъ увлекать своимъ восторгомъ; а вѣдь были же въ то время такіе критики, какъ Сенковскій и Полевой, которые ругали Гоголя!

Левъ Николаевичъ слушалъ меня и молчалъ. Мнѣ казалось, что онъ давно перечитывалъ Бѣлинскаго и теперь говорилъ по старымъ общимъ впечатлѣніямъ. Быть можетъ, его презрительное отношеніе къ Бѣлинскому было усилено разговорами съ Н. Н. Страховымъ или чтеніемъ статей Волынскаго. Я слышалъ, напримѣръ, какъ онъ раньше очень хвалилъ статьи Волынскаго о Гоголѣ: «Волынскій понялъ душевное настроеніе послѣднихъ годовъ Гоголя и исправилъ ту ошибку, которая со времени письма Бѣлинскаго къ Гоголю повторяется всеми сорокъ лѣтъ. Бѣлинскій не понялъ этого и написалъ опрометчивое письмо».

Послѣ этого вечера мы возвращались домой съ однимъ

толстовцемъ. Дорогой я ему разскалъ о разговорѣ со Львомъ Николаевичемъ. Тотъ удивился рѣзкости отзыва Льва Николаевича о Бѣлинскомъ и сообщилъ мнѣ, что онъ самъ слыхалъ отъ него другое мнѣніе.

Толстой, какъ-то разговаривая съ однимъ фабричнымъ, разспрашивалъ, какія онъ читаетъ книги, и, удивленный хорошимъ выборомъ ихъ, спросилъ, по чьему совѣту онъ это дѣлалъ. «По рекомендаціи господина Бѣлинскаго», отвѣчалъ фабричный. «Вотъ видите, — заключилъ изъ этого случая Толстой, — какое благотворное дѣйствіе оказываетъ Бѣлинскій».

Такъ передавалъ мнѣ толстовецъ, и въ разсказѣ его, несомнѣнно, есть правда. По крайней мѣрѣ, я слыхалъ, что какой-то поклонникъ Бѣлинскаго приносилъ Толстому сочиненія этого критика и читалъ изъ нихъ отрывки. Толстой тогда находилъ ихъ интересными, особенно изъ перваго періода, когда Бѣлинскій меньше впадалъ въ публицистику.

Походъ, который либеральная журналистика подняла противъ Воынскаго за его статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» противъ такихъ столповъ русскаго либерализма, какъ Бѣлинскій, Щедринъ, Чернышевскій и др., произвелъ на Толстого очень дурное впечатлѣніе. Въ этомъ спорѣ онъ былъ вполне на сторонѣ Воынскаго и находилъ, что давно нужно было сдѣлать то дѣло, которое взялъ на себя Воынскій: развѣнчать ничѣмъ не заслуженную славу Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, которые продолжаютъ имѣть такое вліяніе на молодежь. Хотя Воынскій въ своей критикѣ былъ довольно развязенъ и не стѣснялся въ выраженіяхъ, Толстой находилъ его даже скромнымъ. Единственный недостатокъ, который былъ ему непріятенъ въ статьяхъ Воынскаго, — излишняя цвѣтистость изложенія.

III.

Невысокаго мнѣнія былъ Левъ Николаевичъ о тенденціозно-народнической литературѣ 60-хъ годовъ.

Въ одномъ изъ литературныхъ разговоровъ за круглымъ столомъ въ залѣ яснополянскаго дома Н. Н. Страховъ спросилъ Толстого, какого онъ мнѣнія о Глѣбѣ Успенскомъ.

— Талантъ очень узкій и односторонній, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ. — Глѣбъ Успенскій утомительно-однообразенъ: у него вѣчно одинъ и тотъ же языкъ. По моему мнѣнію, Николай Успенскій гораздо талантливѣе. У этого былъ юморъ, и нѣкоторыя его картинки чрезвычайно живо схвачены. У Глѣба есть еще одинъ крупный недостатокъ, свойственный всей этой компаніи — Щедрину и ихъ критикамъ: всѣ они что-то не договариваютъ, скрываютъ отъ читателя. Какъ маленькія дѣти: «знаю, да не скажу». Что же имъ мѣшало? Цензура, что ли — ужъ этого не могу сказать.

Я спросилъ Льва Николаевича, какъ ему нравится Щедринъ.

— Слишкомъ длинно и утомительно, — отвѣчалъ онъ. — Вотъ эти послѣднія вещи еще лучше: «Пошехонская старина» и др.

— Неужели вамъ не нравятся сказки Щедрина или «Господа Головлевы»?

— Нѣкоторыя сказки — да, другія не выдержаны, напри-

мѣръ, про карая и вообще аллегорическія. «Господь Головлевыхъ» я позабылъ. Самая лучшая мѣрка для литературныхъ произведеній — это переводы на иностранный языкъ. Щедрина пробовали переводить — ничего не выходитъ. Иностранный читатель читаетъ и ничего не понимаетъ.

Очень похваливши рассказы Слѣпцова и пожалѣвши, что его совершенно напрасно забыли, Толстой сокрушенно воскликнулъ: «вотъ наша критика!» Потомъ вдругъ обратился ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ: «Я противорѣчу всёмъ вашимъ литературнымъ понятіямъ!»

Меня смутила эта испытующая фраза, но я призвалъ все свое юношеское мужество и отвѣчалъ:

— Мои литературныя понятія еще нельзя назвать установившимися. Когда я былъ гимназистомъ, кругомъ меня всё товарищи увлекались Щедринымъ, Г. Успенскимъ, Златовратскимъ и т. д. Я никогда не могъ раздѣлить вполне этого увлеченія и читалъ ихъ не слишкомъ много. Теперь въ Московскомъ Университетѣ я сталъ ближе къ либеральнымъ профессорамъ и писателямъ, которые бываютъ у проф. Стороженка. Отъ нихъ я научился уважать имена Щедрина, Г. Успенскаго, Златовратскаго. Быть можетъ, они не всегда пишутъ художественно, но я все-таки знаю, что они исполнены хорошихъ намѣреній.

Левъ Николаевичъ ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, но, повидимому, мои признанія показались ему вовсе неубѣдительными, потому что велѣдъ за этимъ онъ напалъ на Короленку, имя котораго тоже произносилось съ уваженіемъ въ кружкѣ проф. Стороженка. Толстому совершенно не правилась повѣсть Короленка «Въ дурномъ обществѣ». «Это сказка — не сказка, — говорилъ онъ, — такъ фальшиво выдуманно. Богъ знаетъ, что такое!» Знаменитый «Сонъ Макара» ему также не правился. Но больше всего онъ смѣялся надъ Короленкомъ за то, что тотъ описалъ въ своемъ разсказѣ «Въ

ночь подъ свѣтлый праздникъ», какъ бѣжалъ изъ тюрьмы бродяга въ пасхальную ночь, черезъ стѣну, освѣщенную яркою луной, между тѣмъ какъ христіанская Пасха празднуется послѣ полнолунія *).

«Когда я нахожу такую штуку у писателя, — говорилъ Левъ Николаевичъ, — я закрываю книгу и больше не хочу его читать». У него въ памяти было нѣсколько такихъ курьезныхъ промаховъ изъ Мельникова-Печерскаго и Салиаса. У Немировича-Данченко, по его словамъ, ихъ можно найти, сколько угодно.

Тутъ же Левъ Николаевичъ вспомнилъ одного молодого испанскаго писателя, рассказы и біографію котораго онъ читалъ по - французски. Служанка этого писателя однажды была очень удивлена тѣмъ, что ея господинъ разъ ночью вдругъ выскочилъ изъ окна и сталъ лить воду въ колодець. Оказалось, что испанецъ въ то время работалъ надъ повѣстью, и ему нужно было рассказать о звукѣ падающей воды.

«Вотъ это писатель», прибавилъ отъ себя Левъ Николаевичъ: «нужно знать тотъ предметъ, о которомъ пишешь, и совершенно ясно видѣть его передъ глазами».

Мачтетъ, на языкѣ Толстого, потому и былъ чуть не ругательнымъ словомъ, что Мачтетъ не зналъ того, о чемъ писалъ. Левъ Николаевичъ очень смѣялся надъ его рассказомъ «Пять тысячъ», помѣщеннымъ въ «Русской Мысли» (1894, іюнь). «И зачѣмъ приняли это и напечатали? — говорилъ онъ намъ. — Я часто получаю отъ молодыхъ авторовъ гораздо лучшія вещи. Во-первыхъ, сюжетъ «Пяти тысячъ» самый невѣроятный, чего никогда быть не можетъ. Во-вторыхъ, всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, и притомъ такимъ языкомъ, какимъ никогда никто,

*) Въ третьемъ изданіи «Очерковъ и рассказовъ» Владиміра Короленка (Москва, 1888) этой фразы нѣтъ. Только въ началѣ разсказа «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ» сказано: «Луна еще не поднималась».

кромѣ Мачтета, не говорить. Наконецъ, всѣ дѣйствующія лица ведутъ себя какъ разъ противно тому характеру, который хочетъ приписать имъ авторъ».

За Златовратскимъ Толстой не признавалъ его прославленнаго знанія народа и рѣшительно отказывался понимать, откуда Златовратскій получилъ такую популярность. «Это вѣрно объясняется тѣмъ, — говорилъ онъ, — что Златовратскій, кажется, былъ пострадавшимъ политическимъ».

Когда либеральная критика сочувственно заговорила о Гаринѣ, Толстой также съ этимъ не согласился. Мы читали вмѣстѣ «Наброски съ натуры» Гарина, напечатанные въ «Русской жизни». Прочтенный рассказъ Левъ Николаевичъ нашель «такъ себѣ»: ничего особенно дурного, но и ничего хорошаго; объ описаніи же охоты на медвѣдя рѣшительно заявилъ, что это «вранье». Вообще онъ относилъ Гарина къ тому же типу писателей-выдумщиковъ, какъ Немировича-Данченка и Мамина-Сибиряка.

Изъ новыхъ авторовъ Толстой въ 1894 году признавалъ безусловно талантливыми только двухъ:—Гаршина, со смерти котораго тогда уже прошло лѣтъ шесть, и Чехова, который только входилъ тогда въ славу.

Когда въ Ясной Полянѣ былъ полученъ рассказъ Чехова «Учитель словесности», напечатанный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», Левъ Львовичъ прочелъ его намъ вслухъ за общимъ столомъ послѣ завтрака. Стали обмѣниваться впечатлѣніями.

Левъ Николаевичъ сказалъ, что рассказъ ему нравится. Въ немъ съ большимъ искусствомъ, въ такихъ малыхъ размѣрахъ сказано такъ много, и нѣтъ ни одной черты, которая не шла бы въ дѣло — а это признакъ художественности. При этомъ онъ высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о Чеховѣ. «Это человѣкъ симпатичный, относительно котораго можно всегда быть увѣреннымъ, что онъ не скажетъ ничего дурного. Хотя у него есть способность художественнаго про-

зрѣнія, но самъ онъ еще не имѣетъ чего-нибудь твердаго и потому не можетъ учить. Чеховъ вѣчно колеблется и ищетъ. Для тѣхъ, кто находится въ періодѣ стоянія, онъ можетъ имѣть то значеніе, что приведетъ ихъ въ колебаніе. И это хорошо».

Когда въ 1897 году появился рассказъ Чехова «Мужики» и всѣ поражались его силой, Толстой находилъ, что тутъ проявилась односторонность чеховскаго таланта, именно потому, что рассказъ производитъ такое удручающее впечатлѣніе. Но онъ признавалъ уже тогда за Чеховымъ большой талантъ *).

*) О послѣдующихъ отношеніяхъ этихъ писателей см. статью П. Сергѣенка: „Л. Н. Толстой и А. П. Чеховъ“, въ указанномъ выше сборникѣ т-ства „Образованіе“.

IV.

Взгляды Толстого на поэзію и поэтовъ сильно расходились съ общепринятыми мнѣніями.

Въ одномъ изъ вечернихъ разговоровъ о литературѣ, въ параллель къ какому-то стихотворенію Фета, Левъ Николаевичъ припомнилъ стихотвореніе Тютчева и заговорилъ о послѣднемъ: «По моему мнѣнію, Тютчевъ первый поэтъ, потомъ Лермонтовъ, потомъ Пушкинъ. Вотъ видите, какія у меня дикія понятія, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — А у васъ Тютчевъ какъ считается?»

Я долженъ былъ сознаться, что съ Тютчевымъ знакомъ очень мало, и прибавилъ при этомъ, что его найдешь не во всѣхъ библіотекахъ. Н. Н. Страховъ, который, какъ эстетикъ, и особенно какъ славянофилъ, цѣнилъ и хорошо зналъ Тютчева, сталъ говорить объ изданіяхъ его стиховъ. Толстой къ этому прибавилъ, что его познакомили съ Тютчевымъ Некрасовъ, Дружининъ и др., которые составили первый сборникъ: «Некрасову нужно отдать справедливость; хотя у самого въ стихахъ не было нисколько поэзіи, но цѣнить поэтовъ онъ умѣлъ».

Я сталъ спрашивать о послѣдовавшихъ затѣмъ стихотвореніяхъ Тютчева.

«А потомъ онъ сталъ писать вздоръ, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ, — чепуху такую, что ничего не поймешь, — эти свои славянофильскія стихотворенія».

Н. Н. Страховъ, привыкшій къ тону яснополянскихъ разговоровъ, не только не обидѣлся, но разсмѣялся. «Это для меня сказано, — пояснилъ онъ намъ. Потомъ, обратившись ко Льву Николаевичу, сталъ защищаться: — но и среди славянофильскихъ стихотвореній Тютчева есть превосходныя».

«Все вздоръ», съ шутливымъ упорствомъ твердилъ тотъ.

Разговоръ нашъ на этомъ прервался, такъ какъ изъ сосѣдней комнаты послышалась балалайка, на которой очень недурно игралъ пятнадцатилѣтній Миша, предпоследній сынъ Толстыхъ. Слушатели литературныхъ разговоровъ захотѣли музыки. Левъ Николаевичъ, которому въ тотъ вечеръ нездоровилось и который лежалъ въ залѣ на диванѣ, присоединился къ общему желанію. Позвали Мишу съ балалайкой, усадили его сестру Марью Львовну аккомпанировать ему на гитарѣ, и вечеръ закончился домашнимъ концертомъ къ общему удовольствію.

Когда мы прощались, расходясь по своимъ комнатамъ. Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: «Такъ не забудьте же достать Тютчева. Безъ него нельзя жить».

Въ яснополянской библиотекѣ нашлись стихотворенія Тютчева въ изданіи Бартенева. Послѣ нашего разговора объ этомъ поэтѣ томикъ его стиховъ не сходилъ съ круглаго стола въ залѣ. Его пересматривали и читали. Я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы продолжить прерванный разговоръ.

— Вотъ я перечитывалъ стихотворенія Тютчева, — началъ я, — многое дѣйствительно превосходно; но все-таки я не могу понять, почему же онъ выше Пушкина? Вѣдь Пушкинъ несравненно шире Тютчева.

— Зато Тютчевъ глубже Пушкина, — отвѣчалъ мнѣ на это Левъ Николаевичъ.

— Хорошо, — продолжалъ я, — слѣдовательно нужно из-

мѣрить глубину одного и широту другого, чтобы опредѣлить, кто выше. Задача нелѣгая!

Левъ Николаевичъ улыбнулся. — То - есть какъ выше? — сказалъ онъ. — Вѣдь и Немировичъ-Данченко широкъ; у него и поэмы, и стихи, и что вамъ угодно. Быть широкимъ въ такомъ смыслѣ нетрудно. Сила Пушкина, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ въ его прозѣ. Его поэмы — дребедень и ничего не стоятъ. Тютчевъ, какъ лирикъ, несравненно глубже Пушкина. Правда, у Пушкина нѣтъ такихъ пошлыхъ патриотическихъ стихотвореній, какъ у Тютчева, но и у него есть стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи».

Въ 1897 г. «Общество любителей россійской словесности» подъ предсѣдательствомъ проф. Стороженка, устраивало въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ, литературные вечера, которые публика очень охотно посѣщала. Объ одномъ изъ такихъ вечеровъ, посвященныхъ Кольцову и Шевченку, я рассказывалъ Льву Николаевичу. Литературную характеристику Кольцова дѣлалъ приватъ-доцентъ Бѣльскій. Онъ сравнивалъ тождественные мотивы кольцовскихъ пѣсенъ съ народными и доказывалъ, что у Кольцова они выражены гораздо слабѣе. Потомъ сравнивалъ тождественные мотивы у Пушкина и Кольцова, и опять ставилъ второго далеко ниже перваго. Общая мысль реферата Бѣльскаго была такова: Кольцовъ отсталъ отъ народа и не присталъ къ господамъ.

Выслушавъ мой рассказъ, Левъ Николаевичъ нашелъ такую характеристику Кольцова нелишенной вѣроятности, но преувеличенной. Самъ онъ всегда любилъ поэзію Кольцова, Никитина, Шевченка. Послѣдняго онъ читалъ въ русскомъ переводѣ Гербеля. Онъ восхищался «Наймичкой» Шевченка, въ которой, по его словамъ, трогательно разработана вѣчная тема — сила материнской любви. При этомъ я вспомнилъ, что Фетъ называлъ Шевченка «тенденціознымъ плакальщикомъ».

Левъ Николаевичъ на это съ легкимъ раздраженіемъ сказалъ: «Да вѣдь Фетъ только то и находилъ хорошимъ въ поэзіи, что совершенно лишено смысла».

Въ 1899 году, на одной изъ субботъ у Толстыхъ, въ московскомъ ихъ домѣ я встрѣтилъ кн. С. Волконскаго, романиста, бывшаго редактора «Нивы».

Кн. Волконскій зналъ много стиховъ наизусть, декламировалъ комическія стихотворенія В. Соловьева и забавно передразнивалъ въ носъ напыщенную декламацию поэта Полонскаго. Разговоръ перешелъ на послѣдняго.

Я сталъ рассказывать, что недавно устраивалъ со своими ученицами литературный вечеръ, посвященный Полонскому. Составляя литературную характеристику Полонскаго, намъ было нелегко уловить особенность поэтической его личности. Я считалъ характернымъ для него стихотвореніе «Жалобы Музы». Въ немъ разочарованная муза рассказываетъ поэту, какъ она ходила со стихами къ богатымъ, поселянамъ, рабочимъ, борцамъ, заключеннымъ въ тюрьму, но ее никто не хотѣлъ слушать.

Оказалось, что изъ присутствующихъ при этомъ разговорѣ никто не помнилъ «Жалобы Музы», даже кн. Волконскій, который увѣрялъ, что знаетъ всего Полонскаго чуть не наизусть.

Левъ Николаевичъ при этомъ высказался въ такомъ смыслѣ, что онъ Полонскаго и за поэта не признаетъ.

— Увлекался я когда-то Пушкинымъ, Лермонтовымъ, — говорилъ онъ, — потомъ въ Петербургѣ мнѣ указали на Тютчева, котораго я полюбилъ; Фета любилъ тоже, но меньше. Некрасовъ для меня никогда поэтомъ не былъ. Потомъ провозгласили поэтами Алексѣя Толстого, Полонскаго и др.! Полонскій глупъ, и никогда не могъ выдержать ни одной вещи. Майковъ блестящъ сравнительно съ Полонскимъ.

Кн. Волконскій не спорилъ и долженъ былъ согласиться, что у Полонскаго много совершенно прозаическихъ стиховъ.

Левъ Николаевичъ разсказалъ о своей послѣдней раз-молвкѣ съ Полонскимъ. Полонскій въ 1896 г. написалъ «За-мѣтки по поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей Л. Н. Толстого». Кромѣ того, въ одномъ частномъ письмѣ онъ рѣзко отозвался о новомъ направленіи Толстого. Тогда Левъ Николаевичъ написалъ Полонскому письмо, въ которомъ высказалъ сожалѣніе, что ихъ прежнія дружескія отноше-нія разстраиваются. Полонскій отвѣтилъ Толстому, что онъ очень мучился тѣми рѣзкими фразами, которыя у него вы-рвались, и просилъ ихъ забыть.

Эту черту Левъ Николаевичъ очень цѣнилъ у Полонскаго и вообще признавалъ его добрымъ и искреннимъ человѣ-комъ.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ Толстой любилъ Шиллера гораздо больше, чѣмъ Гете. Для него Гете, какъ и Шекспиръ, былъ слишкомъ холодно объективенъ. Это противорѣчило основному взгляду Толстого на искусство, которое онъ опредѣлялъ, какъ «дѣятельность человѣка, состоящую въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другому испытываемыя имъ чувства». Кроме того, въ Гете, какъ и въ Шекспирѣ, Толстой не находилъ вѣрнаго и напряженнаго нравственнаго чувства, съ точки зрѣнiя котораго оцѣниваются поступки изображаемыхъ авторомъ лицъ. Гете, какъ драматурга, Толстой совсемъ не цѣнилъ. «Такъ и видно», говорилъ онъ, «какъ Гете сидѣлъ и сочинялъ свои драмы». Несмотря на такое мало сочувственное отношенiе къ великому нѣмецкому поэту, Левъ Николаевичъ, по его собственнымъ словамъ, прочелъ по-нѣмецки всѣ сочиненiя Гете нѣсколько разъ.

Шиллера, какъ драматурга и моралиста, онъ ставилъ очень высоко. На первый взглядъ представляется удивительнымъ, что изъ произведенiй Шиллера онъ въ своемъ трактатѣ «Что такое искусство?» выбираетъ, какъ образецъ высшаго искусства, самую юную, несовершенную въ техническомъ отношенiи трагедiю «Разбойники». Отъ Толстого не скрылись внѣшнiе недостатки этого произведенiя: пре-

увеличенность изображенія, приподнятость тона. Но тѣмъ не менѣе, онъ отводитъ важное мѣсто «Разбойникамъ» потому, что высоко цѣнитъ напряженность нравственнаго чувства автора, который рисуетъ и оцѣниваетъ въ своей трагедіи вѣчную борьбу добра и зла въ лицѣ Карла Моора и Франца Моора. Такая же нравственная личность автора господствуетъ въ драмахъ «Марія Стюартъ» и «Орлеанская дѣва», можно сказать, во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ Шиллера, и всѣ они дороги Толстому.

Незадолго до выпуска трактата «Что такое искусство?», — когда Левъ Николаевичъ былъ полонъ интересами своего сочиненія и говорилъ съ нами о примѣрахъ изъ всемірной литературы, которые онъ подбиралъ, какъ образцы истиннаго искусства; когда онъ колебался, включить ли въ перечень лучшихъ образцовъ такія произведенія, какъ «Донъ-Карлосъ» Шиллера или «Натанъ Мудрый» Лессинга (въ концѣ-концовъ онъ не включилъ ни того, ни другого); когда онъ самъ наводилъ насъ на споры и просилъ указывать ему, какія словесныя произведенія кто считаетъ самыми лучшими, — въ одинъ изъ такихъ, богатыхъ литературными разговорами вѣчеровъ, я спросилъ Льва Николаевича, какъ онъ относится къ поэзіи Гейне.

Онъ отвѣчалъ, что не можетъ причислять сочиненія Гейне къ истиннымъ произведеніямъ искусства и скорѣе относитъ ихъ къ дурному искусству. Въ нихъ онъ видѣлъ безотраднѣйшій пессимизмъ и цинизмъ, не смягченное любовью глумленіе надъ всѣмъ и собою, полную неспособность — «своей-ственной евреямъ вообще» — понять духъ христіанства. Но тутъ же Левъ Николаевичъ прибавилъ, что недавно перечитывалъ Гейне и восторгался имъ.

Правда, онъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ самъ испорченъ нашими искаженными взглядами на искусство. Но не служить ли доказательствомъ художественной проницатель-

ности Толстого и отсутствія въ немъ моральной узости то, что и въ Гейне онъ очень вѣрно оцѣнивалъ достоинства и наслаждался ими? Его восхищали удивительное остроуміе Гейне, необыкновенная ясность его ума и чрезвычайно мѣткія изреченія. Когда Гейне въ своихъ очеркахъ о Германіи («Романтическая школа») характеризуетъ различныя философскія направленія, онъ дѣлаетъ это такъ, по словамъ Толстого, какъ не охарактеризуетъ ихъ ни одна исторія философіи.

Свое отношеніе къ декадентамъ и символистамъ Толстой достаточно рѣзко выразилъ въ трактатѣ: «Что такое искусство?» (1897 г.). Отрицательное отношеніе къ новымъ теченіямъ поэзіи ясно было видно въ немъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1894 г., во время прогулки съ Н. Н. Страхобымъ, у насъ зашелъ разговоръ о декадентахъ. Левъ Николаевичъ былъ знакомъ тогда съ Бодлэромъ и Метерлинкомъ. Нѣкоторыя ихъ вещи онъ находилъ не лишенными интереса и своеобразной красоты, но вообще все это литературное движеніе называлъ болѣзненнымъ и радовался, что оно у насъ еще не прививалось.

«Вѣдь прочтите произведеніе въ такомъ родѣ нашему мужику и скажите ему, что это писано серьезнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ расхохочется и не повѣритъ: развѣ можетъ умный человѣкъ заниматься такими вещами? А вѣдь вотъ занимаются же!»

Готовя къ выпуску свой трактатъ, Толстой перечиталъ немало декадентовъ и символистовъ, особенно французскихъ. Въ 10-й главѣ трактата онъ подробно останавливается на характерныхъ чертахъ декадентства, которыя, по его мнѣнію, лишаютъ декадентскую поэзію права на названіе истиннаго искусства. Эти черты слѣдующія: туманность, загадочность, недоступность для массъ, неточность, неопредѣленность, не-краснорѣчивость, эротоманія, дряблость и распущенность.

соединенная съ самымъ грубымъ католическимъ идолопоклонствомъ. Эти характерныя черты декадентства Толстой въ своемъ трактатѣ иллюстрируетъ примѣрами изъ Бодлера, Верлена, Малларме, Метерлинка, Ренье, Грифена, Мореаса и др.

Послѣ того, какъ трактатъ былъ опубликованъ, Толстой продолжалъ слѣдить за декадентами. У графини Соллогубъ онъ бралъ декадентскія книжки и журналы, чтобы «понюхать, какъ скверно они пахнутъ».

Левъ Поливановъ, извѣстный московскій педагогъ, передавалъ Толстому черезъ его сына, Льва Львовича, что напрасно онъ возится съ декадентами, которые уже погребены. Левъ Николаевичъ, возражая на это, говорилъ, что, напротивъ, нужно на декадентовъ обращать больше вниманія. чѣмъ это дѣлаютъ, потому что декадентство — болѣзнь времени, заслуживающая серьезнаго отношенія.

VI.

Кто прочелъ трактатъ Толстого «О Шекспирѣ и о драмѣ», выпущенный въ 1907 г., того, кажется, больше не могутъ удивить своей необычайностью мнѣнія Толстого о другихъ писателяхъ. Но когда я былъ молодъ, онъ еще не высказывался публично такъ смѣло, и меня многое поражало въ разговорахъ со Львомъ Николаевичемъ.

Я готовился тогда къ магистерскому экзамену по всеобщей литературѣ и долженъ былъ перечитывать много разныхъ исторій литературъ, біографій и монографій по отдѣльнымъ писателямъ и литературнымъ эпохамъ. Нерѣдко я задавалъ Льву Николаевичу вопросы, стоящіе въ связи съ моими занятіями. Однажды я спросилъ его, какъ ему нравится Данте?

— Скука страшная, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ. — Я нѣсколько разъ пытался читать «Божественную комедію» Данте и никогда не могъ окончить. Читалъ я по-итальянски, когда учился итальянскому языку. Жаль, что теперь некогда; хотѣлось бы перечитать еще разъ. Какъ это создаются иногда литературныя репутаціи!

— А Боккачіо? — продолжалъ я.

— Боккачіо лучше. По крайней мѣрѣ интересно и живо разсказано.

Я не могъ не сознаться чистосердечно Льву Николаевичу,

что, если бы я на магистерскомъ экзаменѣ передъ профессорами высказалъ такую мысль о Данте, то они сочли бы меня сумасшедшимъ. А онъ не менѣе чистосердечно удивился, почему же не имѣтъ мужества высказать то, что думаешь.

— Да, намъ старикамъ можно говорить объ этомъ, — продолжалъ онъ. — Сколько мы пережили! При мнѣ выступилъ Eugène Sue, надѣлавшій столько шума, пустившій въ ходъ слово пауперизмъ (*Les mystères de Paris*). Потомъ выступилъ Alexandre Dumas-père. Помню, когда мнѣ было 17 лѣтъ, я ѣхалъ въ Казанскій университетъ и купилъ на дорогу 8 томиковъ *Comte de Monte-Cristo*. До того было интересно, что я не замѣтилъ, какъ дорога окончилась. Тогда вся большая публика увлекалась этимъ романомъ, а я принадлежалъ къ большой публикѣ. Дюма-отецъ былъ очень талантливъ, какъ и сынъ. Въ 1862 г. я читалъ «*Les misérables*» Виктора Гюго и восхищался. Это одинъ изъ лучшихъ романовъ. Однако, замѣтите, французы воздаютъ ему такія почести и въ то же время всегда немного пощипываютъ.

Н. Н. Страховъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, вставилъ свое замѣчаніе относительно В. Гюго: хотя у него много преувеличеній, но это только преувеличенія, а не выдуманныя черты. Левъ Николаевичъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и, какъ доказательство творческаго таланта Гюго, сталъ припоминать изъ его романовъ цѣлый рядъ типовъ, которые до того оригинальны и ярко написаны, что никогда не забываются.

— Вотъ у Зола, — прибавилъ Левъ Николаевичъ, — никогда такъ не выйдетъ, несмотря на то, что онъ выписываетъ очень старательно. Я такъ и не одолѣлъ «*Le docteur Pascal*», хотя перечиталъ почти всѣ романы Зола. Для «*Посредника*», который предпринялъ изданіе лучшихъ переводныхъ произведеній, мнѣ пришлось перечитать много всякаго старья. «*Векфильдскаго священника*» Гольдсмита я прочелъ съ удо-

больствомъ. Сказки и повѣсти Вольтера скучны. Руссо могутъ и теперь перечитывать.

Въ августовскій вечеръ 1894 г. мы читали вмѣстѣ вслухъ статью П. Вейнберга о Жоржъ-Зандъ, напечатанную въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Въ первой части статьи Вейнбергъ давалъ прагматическій очеркъ предшествовавшаго французскаго романа: Руссо, m-me Сталь, Шатобріана и др.

Левъ Николаевичъ въ промежуткахъ между чтеніемъ вставлялъ свои замѣчанія. Руссо онъ читалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ и перечиталъ все, даже его переписку. Онъ считаетъ Руссо величайшимъ писателемъ и удивляется, какъ можно сопоставлять съ его романами романы m-me Сталь, которая была, конечно, умной женщиной, но романы писала прескучные. «Это все для прагматизма дѣлается!» Шатобріана Левъ Николаевичъ пробовалъ читать много разъ, но никогда не могъ одолѣть ни его «Рене», ни его «Духа христіанства». Между прочимъ онъ очень хвалилъ Стендаля (Бейля) и находилъ, что Пушкинъ высказывалъ о немъ несправедливыя мнѣнія (см. «Записки Смирновой»). Къ Бальзаку онъ никогда не чувствовалъ влеченія и, по его собственнымъ словамъ, все изъ него позабылъ.

Многихъ удивляло и удивляетъ, что Толстой, такой строгій моралистъ въ искусствѣ, любилъ Мопассана, часто съ похвалою отзывался о его рассказахъ и даже въ трактатѣ «Что такое искусство?» причисляетъ нѣкоторыя вещи Мопассана къ тому хорошему житейскому, всенародному, всемірному искусству, образцы котораго, по словамъ Толстого, особенно трудно сыскать въ новомъ словесномъ искусствѣ.

Но стоитъ перечитать статью Толстого о Гюи де-Мопассанѣ, напечатанную въ видѣ предисловія къ изданію его избранныхъ рассказовъ (1894 г.), чтобы понять причину такого отношенія русскаго моралиста къ французскому писателю.

Толстой любилъ Мопассана прежде всего за громадный талантъ, т.-е. за способность при усиленномъ вниманіи видѣть то, чего другіе не видятъ. Но съ своей точки зрѣнія онъ очень послѣдовательно отдѣляетъ въ произведеніяхъ Мопассана дурное отъ хорошаго. Съ одной стороны, онъ видитъ въ Мопассанѣ писателя, выросшаго и воспитавшагося въ ужасающей по своей уродливости и безнравственности средѣ, которая самую прекрасной темой для искусства считаетъ молодую, красивую, большею частью обнаженную женщину и половое общеніе съ нею. Съ другой стороны, онъ съ восторгомъ наблюдаетъ, какъ просто и искренно излагаетъ Мопассанъ во многихъ своихъ мелкихъ разсказахъ то, что возмущало или умиляло врожденное нравственное чувство французскаго писателя. Толстой радуется тому, что, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй растетъ въ немъ этотъ вѣрный инстинктъ.

Мопассанъ, съ такой силой страсти описывавшій со всѣхъ сторонъ женщину и любовь, съ поразительной ясностью и точностью показываетъ всѣ ужасающія стороны этого явленія, которое казалось ему самымъ сладостнымъ въ жизни. Онъ хотѣлъ восхвалять любовь, но чѣмъ больше узнавалъ, тѣмъ больше проклиналъ ее. Силой своего таланта Мопассанъ выбивался изъ окружавшихъ его ложныхъ взглядовъ на искусство. Трагизмъ его положенія въ томъ, что онъ погибъ, не освободившись вполнѣ. Но приступы этого духовнаго перерожденія ясно видны во многихъ мелкихъ разсказахъ Мопассана. За эти муки возрожденія Толстому особенно близокъ французскій авторъ, и онъ включаетъ его имя въ немногочисленный списокъ избранныхъ писателей.

Разговаривая съ нами о Мопассанѣ, Левъ Николаевичъ, по ассоціаціи идей, перешелъ къ авторскимъ гонорарамъ и ихъ развращающему вліянію на молодыхъ авторовъ.

— Я не могу себѣ вообразить теперь хорошаго беллетри-

ста, — говорилъ онъ. — Лишь только появится талантъ, сейчасъ его зазываютъ во всѣ редакціи и заваливаютъ деньгами. Поневолѣ молодой авторъ начинаетъ писать наскоро и портится. Григоровичъ говорилъ мнѣ, что ему платили 500 рублей за листъ, а листъ можно продиктовать въ два часа. Я самъ писалъ листъ въ рабочую упряжку, т.-е. часовъ отъ 10 до 3-хъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи.

Разговоръ этотъ происходилъ за вечернимъ чаемъ. Когда мы расходились по своимъ комнатамъ, Левъ Николаевичъ, прощаясь со мной, задержалъ мою руку и сказалъ:

— А вотъ какой-нибудь учитель гимназіи работаетъ часовъ 5—6 въ день и получаетъ около 1000 рублей въ годъ. Не правда ли — досадно?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я улыбаясь. — Учителя не обижаются. Они говорятъ: писателю дано, а мнѣ нѣтъ. Къ кому же тутъ апеллировать?

— Ну, я думаю, если разсердится, такъ всякій напишетъ, — замѣтилъ на это Левъ Николаевичъ, тоже улыбаясь.

Въ тотъ же вечеръ Левъ Львовичъ Толстой сообщилъ мнѣ интересный фактъ, о которомъ онъ узналъ въ свою послѣднюю поѣздку въ Парижъ и который характеризуетъ отношенію Мопассана ко Льву Николаевичу.

Какой-то знакомый Мопассана прочелъ повѣсть Толстого «Смерть Ивана Ильича» во французскомъ переводѣ и далъ ее Мопассану, который уже зналъ и очень цѣнилъ Толстого по другимъ его произведеніямъ. Возвращая толстовскую повѣсть знакомому, знаменитый французскій авторъ сказалъ: «Я вижу, что вся дѣятельность моя была ни къ чему; что всѣ мои десятки томовъ ничего не стоятъ». Это было незадолго до сумасшествія Мопассана, такъ что «Смерть Ивана Ильича» была чуть ли не послѣдней книгой, которую онъ прочелъ.

Къ исторіи трактата Л. Н. Толстого:
„Что такое искусство?“

О трактатѣ «Что такое искусство?», который былъ опубликованъ въ 1897 г., много писали на разныхъ языкахъ. Я не намѣренъ здѣсь входить въ оцѣнку произведенія, которое произвело лично на меня сильное впечатлѣніе и, быть можетъ, навсегда опредѣлило мои теоретическіе взгляды на искусство. Мнѣ хотѣлось только сообщить нѣкоторыя свои наблюденія, сдѣланныя надъ авторомъ въ то время, когда онъ былъ уже близокъ къ печатанію своей работы, надъ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, думалъ около пятнадцати лѣтъ.

Левъ Николаевичъ Толстой былъ правъ, когда удивлялся, зачѣмъ нѣкоторыя барыни пишутъ ему письма о томъ, что нельзя отрицать науки и искусства, потому что они сдѣлали много полезнаго для людей, и т. п., «я всю свою жизнь, говорилъ онъ, собственно говоря, только то и дѣлалъ, что занимался искусствомъ и наукой».

Не говоря уже о литературномъ искусствѣ, Толстой постоянно интересовался и занимался искусствомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Онъ рассказывалъ какъ-то мнѣ, что одно время увлекался ваяніемъ и даже бралъ уроки у одного скульптора, который выполнялъ горельефы на наружныхъ стѣнахъ строившагося тогда Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. «Конечно, изъ этого ничего не вышло», прибавилъ Левъ Нико-

лаевичъ. Я ему на это сказала, что былъ въ Веймарѣ, въ домѣ Гете, превращенномъ теперь въ Гетевскій музей, и видѣлъ тамъ картины, писанныя великимъ нѣмецкимъ поэтомъ. Гете увлекался въ молодости живописью, но результаты его работъ въ этой области были очень посредственны.

У Льва Николаевича была полоса увлеченія музыкой. Одно время онъ даже просиживалъ по шести часовъ въ сутки за роялемъ, добиваясь техники. Нельзя сказать, чтобы отъ этого его большіе пальцы стали очень послушными, но во всякомъ случаѣ онъ научился недурно разбирать ноты.

Я самъ немного игралъ на скрипкѣ, и за неимѣніемъ лучшихъ музыкантовъ мы иногда устраивали дуэты въ Яснополянскомъ домѣ. Правда, мы выбирали что-нибудь простое и ясное и избѣгали трудныхъ въ техническомъ отношеніи мѣстъ. Левъ Николаевичъ съ особеннымъ удовольствіемъ разбиралъ сонаты Моцарта, написанныя для скрипки съ роялемъ. Если у насъ все шло гладко, онъ радовался и часто повторялъ: «какъ это мило». Если разбирать было труднѣе, онъ говорилъ, обращаясь къ своимъ домашнимъ, сидѣвшимъ въ залѣ: «ну, больше не будемъ; самъ знаю, что мучительно». Если какая-нибудь часть была намъ не по силамъ, онъ говорилъ: «ну, это пощадимъ!» И мы щадили.

Левъ Николаевичъ почти пересталъ тогда посѣщать публичныя концерты и оперы, но въ московскомъ домѣ гр. Толстыхъ бывало не мало музыкантовъ и пѣвцовъ, профессиональныхъ и любителей. Я часто слышалъ тамъ молодого пианиста Гольденвейзера, игралъ у нихъ Игумновъ, любительское тріо, знаменитый чешскій квартетъ и др. Такимъ образомъ Левъ Николаевичъ могъ непрерывно поддерживать свое знакомство и со старой и съ новой музыкой.

Особенно хорошо онъ зналъ старыхъ композиторовъ и, кажется, предпочиталъ всѣмъ Моцарта за его изящество и ясную жизнерадостность. Къ моему удивленію, о Бетховенѣ

онъ какъ-то сказалъ: «Я не люблю его; то-есть не то что не люблю, но онъ слишкомъ сильно захватываетъ, а этого не нужно: музыка должна лишь веселить». Въ другой разъ онъ сталъ развивать ту мысль, что съ Бетховена начинается паденіе музыки, такъ какъ Бетховенъ выработалъ формы, по которымъ стали писать произведенія, повидимому полныя серьезнаго содержанія, а на самомъ дѣлѣ совершенно пустыя. Шопенъ всегда доставлялъ ему удовольствіе своей мелодичностью. Шумана онъ недолюбливалъ, находя его слишкомъ искусственнымъ.

«Искусственность», «подражательность», «фальшивое», «выдуманное» — слова, которыя часто употребляетъ Левъ Николаевичъ, объясняя, почему ему не нравится то или другое произведеніе искусства. Со своей точки зрѣнія онъ причислялъ Чайковскаго и Рубинштейна только къ «среднимъ» композиторамъ. «Хотя Чайковскій, говорилъ онъ, оригинальнѣе Рубинштейна, но въ Чайковскомъ много искусственнаго; его нѣкоторыя симфоніи для непривычнаго уха — одинъ шумъ: его «Травушка» — поддѣлка подъ народныя пѣсни. Рубинштейнъ былъ хорошій исполнитель; но именно оттого, что онъ переигралъ массу хорошихъ чужихъ вещей, въ его собственныхъ произведеніяхъ постоянно являются отзвуки, воспоминанія чужого».

Однако, вернувшись какъ-то съ ученическаго вечера московской консерваторіи, Левъ Николаевичъ сталъ особенно хвалить концертъ Рубинштейна, который хорошо исполнилъ какой-то ученикъ. «Музыка Рубинштейна напоминаетъ мнѣ поэзію шестидесятыхъ годовъ», говорилъ онъ. «Въ чемъ же сходство?—спросилъ я,—въ шумливости? прямолинейности?» «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—не могу выразить; быть можетъ, это воспоминаніе молодости: въ Рубинштейнѣ есть какая-то задумчивость».

Къ Вагнеру Толстой питалъ положительно вражду. Его

взгляды на этого знаменитаго реформатора музыки достаточно выражены въ трактатѣ «Что такое искусство?» Въ частныхъ бесѣдахъ онъ высказывалъ подобныя взгляды гораздо раньше. Въ моемъ дневникѣ подѣ 20 апрѣля 1895 года записанъ интересный разговоръ на эту тему, слышанный мною въ московскомъ домѣ Толстыхъ, въ одну изъ субботъ.

Среди многочисленныхъ гостей въ этотъ вечеръ былъ между прочими Блокъ, владѣлецъ магазина велосипедовъ. Онъ написалъ книжку о велосипедахъ и поднесъ ее Льву Николаевичу. Оказалось также, что онъ принадлежитъ къ страстнымъ вагнеристамъ. Съ нимъ-то и зашелъ разговоръ о Вагнерѣ.

Левъ Николаевичъ былъ на послѣднемъ представленіи «Зигфрида» въ Большомъ московскомъ оперномъ театрѣ. Онъ сталъ рассказывать, что такой отчаянной тоски и скуки давно не испытывалъ.

— Во-первыхъ, сюжетъ «Зигфрида»! Извѣстно, что изъ всѣхъ эпосовъ нѣмецкій самый глупый и скучный. Вагнеръ въ своемъ либретто, заимствованномъ изъ нѣмецкаго эпоса, его еще больше испортилъ. Музыка Вагнера не представляетъ изъ себя чего-нибудь цѣльнаго, имѣющаго центръ, какъ должно имѣть его всякое художественное произведеніе. Это только рядъ иллюстрацій на испорченный текстъ. Настоящей музыки нѣтъ, все условно. Такъ и видно, какъ нѣмецъ сидѣлъ и придумывалъ. Птицы поютъ—играй на дудочкѣ: выходитъ кто-нибудь на сцену—труби въ трубы, и т. д. Нѣтъ чувства мѣры. Въ одномъ мѣстѣ около получаса играетъ дудочка. Въ другихъ мѣстахъ слушаешь и не понимаешь: что это? играютъ уже или оркестръ только строится? То въ животѣ у кого-то какъ-будто забурчить, то дудочки перекликаются. Если бы у меня было время, и я не былъ занятъ другими предметами, я написалъ бы объ этомъ. Я могу доказать, что это не музыка. Тамъ, въ театрѣ со мной сидѣлъ

Танѣвъ и другіе спеціалисты. Я имъ говорилъ это, и они ничего не могли мнѣ возразить.

Элегантный Блокъ заволновался отъ такихъ непочтительныхъ рѣчей о своемъ музыкальномъ богѣ и сталъ въ восторженныхъ выраженіяхъ говорить о томъ удивительномъ впечатлѣніи, которое производитъ на него Вагнеръ.

На это Левъ Николаевичъ спокойно замѣтилъ, что для него очень понятно, почему вагнеристы говорятъ съ такимъ экстазомъ: «Если хлѣбъ хорошъ или вода хороша, я просто говорю, что это хорошо; тутъ нечего восторгаться. Но если приготовлено какое-нибудь странное кушанье, тутъ я буду изъ кожи лѣзть и восторгаться».

Мнѣ нерѣдко приходилось слышать неодобрительные отзывы Толстого о новыхъ русскихъ композиторахъ. Онъ сравнивалъ ихъ со старыми итальянскими, когда появленіе оперъ Россини, Верди и другихъ было цѣлымъ событіемъ: «Теперь же объ этихъ Мусоргскихъ, Бларамбергахъ, Направникахъ никто и не говоритъ».

— Я рѣшительно не понимаю новыхъ русскихъ композиторовъ, — говорилъ Левъ Николаевичъ въ другой разъ. — Былъ у меня Танѣвъ, игралъ свой квартетъ. Для меня все въ немъ — и аллегро, и скерцо, — все шумъ и только. Они, правда, толкуютъ объ этомъ; находятъ одно лучше, другое хуже. Но что же это за музыка, которая доставляетъ удовольствіе только тѣмъ, кто ее дѣлаетъ? Я, конечно, не беру на себя смѣлости судить объ этомъ, но я много слышалъ, самъ игралъ, занимался, и на меня эта новая музыка не производитъ ровно никакого впечатлѣнія. Вотъ Глинка — другое дѣло: тутъ и мелодія, и все есть.

Когда чешскій квартетъ, на концертъ котораго въ Благородномъ собраніи присутствовалъ Левъ Николаевичъ (сидя въ артистической комнатѣ), выразилъ желаніе поиграть въ домѣ Толстыхъ, это доставило всему семейству громадное

удовольствіе. Чехи играли квартеты Бетховена, Шуберта, Гайдна. Отъ всего этого Левъ Николаевичъ былъ въ восторгѣ: «такъ ясно, прозрачно». Квартетъ Танѣва между ними, по его словамъ, похожъ на стихотвореніе, составленное изъ набора всякихъ словъ безъ связи, но съ соблюденіемъ размѣра и рѣмы.

Знаменитое начало трактата «Что такое искусство?», гдѣ комически описывается репетиція оперы, срисована съ натуры.

Подъ 19 апрѣля 1897 года у меня въ дневникѣ записано слѣдующее:

«Левъ Николаевичъ былъ на репетиціи «Ферморсъ» Рубинштейна, которую ставили ученики консерваторіи подъ управленіемъ директора консерваторіи. Возвратившись домой около 10 часовъ вечера, Левъ Николаевичъ, на вопросы домашнихъ, сталъ рассказывать, что мотивы оперы ему очень понравились. Но къ оперному сюжету онъ отнесся, по обыкновенію, съ юморомъ. Сюжетъ «Ферморса» требуетъ при постановкѣ массы условностей; исполнители оперы съ ожесточеніемъ изъ-за нихъ бьются, но все это въ сущности слишкомъ скучно и никому не можетъ доставить удовольствія. Непріятнѣе всего подѣйствовало на Льва Николаевича грубое обращеніе дирижера съ исполнителями. «Ослы, болваны, идіоты», такъ и сыпалось съ его языка. Это возмутило Льва Николаевича. «Какая невоспитанность,—говорилъ онъ,—какая грубость нравовъ! Я не зналъ, какъ подойти потомъ къ нему и подать ему руку».

Въ домѣ гр. Толстыхъ бывали многіе художники. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Левъ Николаевичъ былъ связанъ дружескими отношеніями.

Когда я познакомился съ гр. Толстыми, Н. Н. Ге уже не было въ живыхъ, но о немъ здѣсь часто вспоминали. Левъ Николаевичъ носился съ мыслью основать музей картинъ этого художника, съ которымъ его связывали общіе взгляды на искусство и мораль. Изъ картинъ Ге, снятыхъ съ выставокъ, по требованію цензуры, въ Ясной Полянѣ находились тогда: знаменитое «Распятіе» и «Судъ Синедріона». Онѣ висѣли въ студии Татьяны Львовны, старшей дочери гр. Толстыхъ, которая немного занималась живописью. Эти два громадныхъ полотна производятъ очень сильное впечатлѣніе. Ге вмѣстѣ съ Толстымъ придерживались преданія, по которому Христосъ въ тѣлесномъ отношеніи былъ некрасивъ. «Распятіе» Ге представляетъ Христа на крестѣ, страшнаго въ посмертномъ окоченѣніи, и рядомъ съ нимъ разбойника, вопящаго отъ ужаса. Въ «Судѣ Синедріона» поражаетъ контрастъ между жирнымъ, отвратительнымъ въ своемъ самодовольствѣ фарисействомъ и худощавой фигурой Христа, съ горящимъ взглядомъ прижавшагося къ стѣнѣ.

Левъ Николаевичъ запрашивалъ Третьякова, не приобрѣтетъ ли онъ этихъ картинъ для своей московской галереи. Третьяковъ прислалъ ему письмо съ отказомъ. По этому поводу Левъ Николаевичъ характеризовалъ Третьякова, какъ

прекрасный типъ собирателя и цѣнителя средней руки; въ произведеніяхъ средняго уровня онъ разберется, но развѣ встрѣтитъ что-нибудь рѣзко выдающееся — не пойметъ. «Я почитываю Шопенгауэра, — продолжалъ Левъ Николаевичъ, — и у него есть объ этомъ. Кажется, можно найти механическій приемъ для опредѣленія дѣйствительно выдающагося. Если толпа не хвалитъ, и изъ знатоковъ никто ни хвалитъ, это несомнѣнно дурно. Если же толпа не хвалитъ, а изъ знатоковъ нѣкоторые хвалятъ, это несомнѣнно хорошо».

Левъ Николаевичъ принималъ участіе въ составленіи списка картинъ русскихъ художниковъ, дешевое изданіе которыхъ было предпринято «Посредникомъ». Помогалъ ему въ этомъ художникъ Касаткинъ. Левъ Николаевичъ настаивалъ, чтобы для этого изданія брали побольше изъ В. Маковского. Хвалилъ его «Мальчика съ калачомъ», говоря, что это трогательно и глубоко.

Кромѣ Касаткина мнѣ приходилось видѣть въ домѣ Толстыхъ художниковъ Сурикова и Пастернака; у послѣдняго Татьяна Львовна брала уроки. Къ сожалѣнію, я ни разу не встрѣчалъ у нихъ Рѣпина, который изъ современныхъ художниковъ больше всѣхъ связанъ съ Толстымъ тѣмъ художественнымъ реализмомъ, который въ такой высокой степени присущъ имъ обоимъ.

Какъ-то въ присутствіи академика Кони, который, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, зашелъ къ гр. Толстымъ, заговорили о Рѣпинѣ. Левъ Николаевичъ рассказывалъ о картинѣ «Дуэль», которая тогда еще не появилась передъ публикой. Фигура умирающаго офицера, протягивающаго руку своему убійцѣ, какъ бы говоря «прости!», произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ передъ ней заплакалъ. Другую картину, «Искушеніе Христа», Левъ Николаевичъ находилъ отвратительной.

«Я прямо такъ и сказалъ Рѣпину. Это вовсе не его дѣло, и

напрасно онъ взялся за такой сюжетъ. Въ религиозной живописи Ге былъ замѣчательный человѣкъ. Разговаривая съ нимъ, я уяснилъ себѣ этотъ предметъ. Прямое дѣло Рѣпина такія картины, какъ «Дуэль».

И Левъ Николаевичъ обратился съ просьбой къ Кони зайти къ Рѣпину и сказать ему, что въ картинѣ «Дуэль» одна фигура лишняя. «Я долго думалъ объ этомъ; тогда не успѣлъ ему сказать, а потомъ меня это мучило. Мы съ Рѣпинымъ уважаемъ, любимъ другъ друга, и онъ это пойметъ».

Въ то время, по молодости лѣтъ, я увлекался картинами Полѣнова. Я обожалъ его «Христа на берегу Генисаретскаго озера». Это такъ красиво! А я красоту готовъ былъ ставить выше всего въ искусствѣ. Помню, я очень удивился, когда въ первый разъ услышалъ рѣзкій отзывъ Толстого о Христѣ въ полѣновской картинѣ «Христосъ и грѣшница». Его изображеніе, какъ и лица апостоловъ, Толстой находилъ банальными; хвалилъ правую сторону картины (упирающаяся грѣшница, которую тащить толпа съ фарисеями во главѣ), задній фонъ называлъ декораціями. Потомъ я понялъ, почему Полѣновъ не удовлетворялъ Толстого.

Для Толстого вопросъ объ искусствѣ далеко не исчерпывается красотой. Онъ также думаетъ, что красота въ искусствѣ необходима, но отводитъ ей какъ бы служебную роль: красивая форма въ произведеніи искусства должна притянуть къ себѣ, заставить обратить на себя вниманіе, побудить вникнуть въ смыслъ этого произведенія. Толстой самъ не любилъ такъ называемаго тенденціознаго искусства именно потому, что оно часто бессильно въ созданіи привлекательной формы. Онъ сознавалъ, что недостатки формы часто вредили картинамъ Ге. Полѣновъ обладаетъ умѣніемъ писать красиво; онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Но полѣновскія картины изъ жизни Христа не волнуютъ и не заставляютъ думать. Ге въ послѣднемъ отношеніи гораздо сильнѣе Полѣнова.

Придавая первостепенное значеніе внутреннему содержанию художественнаго произведенія, Толстой любить, чтобы форма была не только красива, но и реальна. Отсюда его обращеніе къ символикѣ и аллегоризму.

Мы пересматривали какъ-то вмѣстѣ альбомы картинныхъ выставокъ Парижскаго салона и Лондонской академической. Левъ Николаевичъ удивлялся техникѣ картинъ и изяществу ихъ воспроизведенія въ альбомахъ. Но почти всякая картина съ аллегорическимъ или мифологическимъ сюжетомъ вызывала въ немъ смѣхъ. Онъ утверждалъ, что ему чрезвычайно трудно запомнить, кто была Психея, кто была Минерва, и кто у кого вышелъ изъ головы въ полномъ вооруженіи. «А тутъ еще имена! Сегодня замѣчу Юнону, а завтра она оказывается Герой, да еще волоокой.»

*
* *
* *

Весной 1897 г. Толстой усиленно работалъ надъ трактатомъ «Что такое искусство?» Разговаривая съ нами по своему обыкновенію о томъ, что его въ данное время интересовало, Левъ Николаевичъ жаловался, что работа эта очень сложная; что ему пришлось сдѣлать около 70 выписокъ изъ разныхъ сочиненій по исторіи искусства, по эстетикѣ и т. д. Выписывать ихъ цѣликомъ въ свой текстъ ему не хотѣлось, чтобы работа не вышла слишкомъ громоздкой; приходилось сокращать многія цитаты или излагать ихъ своими словами. Онъ боялся, какъ бы не стали говорить по поводу какого-нибудь мѣста, что Толстой невѣрно понялъ или передалъ

цитируемаго автора. Поэтому ему нужно было какого-нибудь знающаго языки человека, который бы проверилъ его цитаты и сравнилъ его изложеніе взглядовъ разныхъ эстетиковъ съ тѣми сочиненіями, которыми онъ пользовался. Левъ Николаевичъ обратился ко мнѣ съ просьбой взять на себя этотъ трудъ.

Я согласился съ большимъ удовольствіемъ и обѣщаль зайти на Хамовники черезъ недѣлю, когда Татьяна Львовна переписать для меня ту часть рукописи, которая требуетъ проверки. Левъ Николаевичъ просилъ проверять «построже».

28 апрѣля я получилъ рукопись, въ которой излагались разныя эстетическія теоріи отъ Баумгартена до нашихъ дней, и нагрузился книгами на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ, которыми пользовался самъ Толстой при составленіи этой исторической части своей работы. Тутъ были: Schassler, Knight, Véron, Taine, Kralik, Grant-Allen, Fiereks-Gevaert, Holmes-Forbes, Sar Peladan, Гюйо, Шербюлье и др.

Левъ Николаевичъ опять повторилъ, что ему нужно отъ меня: я долженъ проверить его изложеніе, сравнить его съ соотвѣтствующими мѣстами у авторовъ, обращая вниманіе на то, нѣтъ ли гдѣ неточности. Кромѣ того, онъ просилъ меня выставить страницы цитируемыхъ мѣстъ и даты, гдѣ ихъ нѣтъ.

28 мая, съ утреннимъ поѣздомъ, я приѣхалъ изъ Москвы въ Ясную Поляну. На балконъ, гдѣ былъ приготовленъ чай, первымъ вышелъ Василій Маклаковъ, приѣхавшій изъ Москвы, чтобы защищать въ Крапивенскомъ судѣ яснополянскую вдову-крестьянку, убившую своего незаконнаго сына. Вторымъ вышелъ Левъ Николаевичъ. Онъ занялся своей овсянкой въ то время, какъ мы съ Маклаковымъ пили чай, и сталъ меня спрашивать о работѣ. Я началъ съ заявленія, что, по моему мнѣнію, историческую часть трактата слѣдовало бы дать прочесть какому-нибудь специалисту по исторіи

философіи, который лучше меня зналъ бы это дѣло, не затруднялся бы терминологіей и могъ бы лучше меня судить о томъ, насколько изъ каждаго эстетика или философа взято именно то, что характеризуетъ сущность, а не случайное въ его взглядахъ. Левъ Николаевичъ отвѣчалъ, что онъ это имѣлъ въ виду и надѣется на профессора Грота.

Тогда я началъ излагать въ общихъ чертахъ, что я сдѣлалъ, сравнивъ свою роль съ ролью молодого приватъ-доцента на диспутѣ, который, въ качествѣ неофициальнаго оппонента, подбираетъ какія-нибудь мелочи. Выслушавъ мой предварительный рапортъ, Левъ Николаевичъ замѣтилъ, что, какъ видно, я сдѣлалъ заданную мнѣ работу добросовѣстно, что ему именно это нужно, «чтобы не было поводовъ къ кассациі», какъ выразился онъ, шутливо подражая языку Маклакова.

Послѣ обѣда Левъ Николаевичъ пригласилъ меня приняться за работу. Мы отправились въ его кабинетъ, такъ хорошо извѣстный по рисунку Рѣпина. Однако видъ кабинета нѣсколько измѣнился. На подоконникахъ еще валялись кой-какіе сапожные инструменты. Но противъ окна столъ, полки — все было завалено книгами, повидимому, относящимися къ новому сочиненію «Что такое искусство?» Полоса увлеченія ремесленнымъ трудомъ въ жизни Толстого смѣнилась новой полосой возвращенія къ вопросамъ искусства.

Я разложилъ данныя мнѣ въ Москвѣ и привезенныя съ собою книги, передалъ Льву Николаевичу рукопись его сочиненія и сталъ по листку, на которомъ я сдѣлалъ около 20 замѣтокъ, указывать въ текстѣ рукописи различныя мѣста, въ которыхъ, мнѣ казалось, я нашелъ ошибки, неточности или странности.

Все это, по большей части, были мелочи и недосмотры. Напримѣръ, слова одного итальянскаго эстетика приписаны другому; Дарвинъ-отецъ смѣшанъ съ Дарвиномъ-сыномъ:

force or spirit переведено «сила духа» (очевидно, принято за force of spirit) вмѣсто «сила или духъ» и т. д.

Левъ Николаевичъ терпѣливо выслушивалъ мои замѣтки, охотно исправлялъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соглашался со мной: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не согласился и сказалъ, что можно оставить попрежнему.

Когда мы докончили съ исторической частью трактата. Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ прослушать слѣдующую, въ которой излагались его собственные взгляды на искусство. Такъ какъ я провелъ безсонную ночь въ вагонѣ, то теперь чувствовалъ тяжесть въ головѣ и потому сказалъ Льву Николаевичу, что съ несвѣжей головой врядъ ли буду хорошимъ слушателемъ. Онъ добродушно посовѣтовалъ мнѣ поспать, но потомъ увлекся и сталъ устно излагать то, о чемъ хотѣлъ мнѣ прочесть по рукописи.

Онъ говорилъ, что чѣмъ больше читаетъ и думаетъ объ искусствѣ, тѣмъ больше поражаетъ его необыкновенная путаница понятій относительно этого предмета у различныхъ писателей. Для него несомнѣнно, что искусство есть способъ посредствомъ красокъ, линий, словъ передавать чувства одного человѣка другому. Передавать можно умѣло и неумѣло; чувства могутъ быть хорошія и дурныя. Отъ этого зависитъ разнообразіе видовъ истиннаго и неистиннаго искусства. Цѣль его работы показать, что современное искусство стоитъ на ложной дорогѣ. Теперь въ одномъ Парижѣ около 30.000 художниковъ, а между тѣмъ среди всѣхъ ихъ работъ очень мало истиннаго искусства.

Забывъ свою усталость, я просилъ Льва Николаевича прочесть главныя мѣста по рукописи. Онъ ограничился чтеніемъ небольшихъ отрывковъ. Потомъ опять съ увлеченіемъ сталъ говорить о томъ, что его поражаетъ, какъ до сихъ поръ всѣ путаются эти понятія. Онъ увѣренъ, что опять скажутъ:

«это парадоксы» или «это старо». Но онъ надѣется, что его работа прольетъ свѣтъ на этотъ вопросъ.

Мнѣ не удалось въ тотъ день вознаградить бессонницу предшествовавшей ночи. Я заразилъ увлеченіемъ Льва Николаевича и просилъ его сообщить мнѣ, не потребуется ли еще моя помощь въ этой работѣ. Помощь моя больше не потребовалась. Но когда я увидѣлъ печатный экземпляръ трактата «Что такое искусство?» — мнѣ было пріятно думать, что въ этомъ богатомъ содѣ есть частица и моего труда.

Впрочемъ, мое усердіе имѣло нѣкоторыя комическія послѣдствія. Замѣтивъ, что Толстой не придаетъ значенія точности и аккуратности подстрочныхъ примѣчаній, какъ принято это въ научныхъ работахъ, я постарался привести эту сторону въ образцовый порядокъ. вмѣсто русскаго «тамъ же» я даже проставилъ всюду латинское *Ibidem* или по сокращенію *Ibid.* Къ моему удивленію оказалось, что нѣкоторые читатели этого не понимаютъ. «Кто такой Ибидъ?» спрашивала меня одна московская институтка: «Должно быть, очень умный человѣкъ. Толстой все ссылается на него въ своемъ сочиненіи: «Что такое искусство?»

Левъ Николаевичъ Толстой и
яснополянскіе крестьяне.

Это было 15 лѣтъ тому назадъ, когда я проводилъ лѣто въ Ясной Полянѣ.

Не знаю, насколько точны свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ дѣтьми Льва Николаевича, но у меня въ дневникѣ записано, что у Толстыхъ тогда числилось въ Ясной Полянѣ около 1000 десятинъ земли; изъ нихъ около 80 десятинъ пахатной, около 40 — подъ усадьбой и садами, около 40 — луговъ, остальное — лѣса. Левъ Николаевичъ тогда совершенно пересталъ заниматься хозяйствомъ, сдавъ все на руки женѣ и управляющему. Вся семья очень любила проводить лѣто въ Ясной Полянѣ, а Левъ Николаевичъ и его старшія дочери пользовались лѣтнимъ временемъ, чтобы заниматься физическимъ трудомъ. Дочери: Татьяна Львовна и Марья Львовна, принимали участіе въ полевыхъ работахъ, отецъ усердно косилъ въ своемъ саду. Графиня называла физическія работы своихъ дочерей «юродствомъ» и волновалась отъ страха, что ея 66-лѣтній мужъ подорветъ свои силы. Графиня просила насъ не смотрѣть на работу Льва Николаевича, потому что онъ при другихъ «храбрится» и работаетъ, не отдыхая, слишкомъ долго.

Несмотря на эти просьбы, я самъ скоро сталъ принимать участіе въ косебѣ, которая такъ пугала графиню. За обѣдомъ Левъ Николаевичъ какъ-то услыхалъ, что мы косили на дворѣ, и, узнавъ, что парень Николай удостоилъ меня

похвалы, пригласилъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ помощники косить садъ. Самъ онъ косилъ замѣчательно хорошо, ровно и гладко. Благодаря ли привычкѣ или необыкновенной крѣпости его организма, онъ уставалъ въ работѣ гораздо меньше меня, хотя мнѣ въ то время было всего 25 лѣтъ. Рассказывалъ, что съ мужиками онъ косилъ по цѣлымъ днямъ съ такими же небольшими отдыхами, какъ и они, и ничего.

Любилъ я работать со Львомъ Николаевичемъ. Косить онъ, а самъ о чемъ-то думаетъ, остановится и заговоритъ о чемъ-нибудь интересномъ. Косили мы какъ-то вечеромъ съ тремя мужиками. Солнце стало заходить. Мужики ушли. Мы остались одни. Левъ Николаевичъ пересталъ косить, облокотился на косу и, смотря на горизонтъ, сталъ припоминать стихотвореніе Фета:

Лѣтній вечеръ тихъ и ясець, —
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ,
И рѣки блестятъ извивы.

Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью,
Слышишь ржанье по долинамъ —
То табунъ несетъ рысью.

— Это превосходно, — восхищался Левъ Николаевичъ. — Здѣсь каждый стихъ картина!

Вѣроятно, заходъ солнца навелъ его на мысли о закатѣ человѣческой жизни. Онъ сталъ говорить о томъ, какъ грустно человѣку, который всю жизнь работаетъ, волнуется, стремится къ чему-то, всегда имѣтъ въ сознаниі, что всѣ эти стремленія должны разомъ прекратиться, и отъ насъ не останется и слѣда.

— Что же тутъ дѣлать? Вамъ не приходили такія мысли въ голову? — обратился Левъ Николаевичъ ко мнѣ.

Съ безпечностью молодости я отвѣчалъ что, когда приходятъ такія мысли, то жизнь всегда выставляетъ что-нибудь неожиданное, и мы опять вовлекаемся въ нее.

— Но неужели разумъ данъ намъ для того, чтобы его заглушать? Неужели онъ не можетъ указать намъ, въ чемъ цѣль жизни? Такая цѣль есть.

Онъ замолчалъ. Я тоже молчалъ, ожидая, что онъ самъ скажетъ, въ чемъ же эта цѣль.

Черезъ нѣсколько времени Левъ Николаевичъ спросилъ:

— Вы вѣрите, что міръ существуетъ шесть тысячъ лѣтъ?

Я отвѣчалъ, что серьезно не задавался этимъ вопросомъ.

— А я не вѣрю. Возвращаясь мысленно къ болѣе грубымъ временамъ, вы, наконецъ, должны притти къ тому періоду, когда люди пожирали другъ друга, когда они мало чѣмъ отличались отъ обезьяны. Это было десятки тысячъ лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ понятія измѣнились. Вы помните идеалъ еврейскихъ патріарховъ? Онъ полонъ наивной вѣры, что находится подъ исключительнымъ покровительствомъ Бога. Для него достаточно имѣть столько-то овецъ, столько-то верблюдовъ. Пресытившись днями своими, онъ спокойно умираетъ, благословляя на такую же жизнь своихъ дѣтей. Мы теперь не можемъ довольствоваться такимъ идеаломъ. Жизнь слишкомъ ушла впередъ. Если я объ этомъ не думаю, то вокругъ меня объ этомъ говорятъ и натолкнутъ меня на это.

Мнѣ казалось, что Левъ Николаевичъ сейчасъ скажетъ, что цѣль жизни въ служеніи ближнему, но онъ замолчалъ.

Мы продолжали косить. Черезъ нѣсколько времени я спросилъ, что онъ будетъ дѣлать, когда скосятъ всю траву въ саду.

— Тогда пойдемъ рожь косить, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ. — Я очень люблю косить съ крючкомъ: берешь по-

выше, и какъ-то легче идетъ; только нужно дѣлать ровный взмахъ. Я уже нѣсколько лѣтъ кошу поле одной вдовы. А то выйду иной разъ въ поле и смотрю, гдѣ стоитъ больше ржи: значить, одинъ хозяинъ не управляется; начинаю косить, и очень бывають благодарны.

Это было осуществленіе мыслей Льва Николаевича о необходимости служенія ближнему личнымъ трудомъ. Въ то лѣто его вторая дочь, Марья Львовна, ходила на покосы работать по цѣлымъ днямъ вмѣсто какой-то больной женщины.

Въ этотъ день Левъ Николаевичъ былъ доволенъ собой: онъ сдѣлалъ дневную «упряжку», т.-е. косилъ шесть часовъ.

* * *

Яснополянскіе крестьяне привыкли къ необычному поведенію своихъ господъ, и, повидимому, немногіе изъ нихъ находили его страннымъ. Косили мы какъ-то съ двумя мужиками. «Помнишь, Прохоръ,—обратился Левъ Николаевичъ къ одному изъ нихъ,—того барина, что тебѣ печку дѣлалъ, Николая Николаевича, моего пріятели? Умеръ». «Умеръ? Ну, царство небесное! Добрый человѣкъ былъ». Разговоръ шелъ о художникѣ Н. Н. Ге. Мужики сѣли отдыхать, и я слыхалъ, какъ другой спросилъ перваго: «Что же онъ дворянскаго роду былъ?»—«Стало быть». — «А какъ же онъ такимъ дѣломъ занимался?» — «Чудакъ! Доброй души человѣкъ былъ. Кому можешь, всякій спасибо скажетъ. Вѣдь печнику два сѣ полтиной отдать надо, а онъ даромъ сдѣлалъ. Пусть пойдутъ покосить кому, вѣдь окромя спасибо никто ничего не ска-

жетъ». Другой мужикъ, былъ, повидимому, удовлетворенъ такимъ объясненіемъ.

Въ тѣ года Левъ Николаевичъ не занимался народной школой. Рассказывалъ онъ, что въ прежнее время, въ періодъ своего увлеченія педагогической дѣятельностью, онъ мечталъ устроить «университетъ въ лаптяхъ». Проектъ заключался въ томъ, чтобы, не отрывая мужика отъ земли, какъ дѣлаютъ это учительскіе институты, дать деревнѣ образованнаго человѣка въ ихъ же средѣ. Въ предѣлахъ знаній учащаго персонала имѣлось въ виду доставить возможность желающимъ крестьянамъ учиться разнымъ наукамъ. Левъ Николаевичъ помнилъ, что въ числѣ желающихъ было нѣсколько взрослыхъ, и они съ удивительной быстротой и жадностью учились, напримѣръ, алгебрѣ. Проектъ этотъ, однако, разрушился о формализмъ министерства народнаго просвѣщенія, которое прислало программы занятій съ строгимъ распределеніемъ часовъ и сообщило, что за всѣмъ будетъ слѣдить инспекторъ. Послѣ этого увлеченіе Толстого «университетомъ въ лаптяхъ» остыло.

Мнѣ приходилось видѣть семейство Толстыхъ среди крестьянъ. Держались они просто и естественно. Чувствовалась традиція, идущая отъ помѣщичьихъ временъ. Однажды вечеромъ устроенъ былъ спектакль при большомъ стеченіи деревенской публики. Чуланъ былъ превращенъ въ сцену: мѣста для публики устроены подъ открытымъ небомъ. Ставили пьесу изъ крестьянскаго быта «Что такое жена?» (изданіе «Посредника») и феерію, сочиненную графиней Софьей Андреевной. Въ заключеніе былъ дивертисментъ—пляска подъ гармонику и балалайку. Дѣйствующими лицами были дѣти Толстыхъ, деревенскіе мальчики и дѣвочки. Левъ Николаевичъ и всѣ мы были зрителями вмѣстѣ съ деревенской публикой. Этотъ вечеръ былъ торжествомъ графини Софьи Андреевны. Реальная пьеса изъ деревенской жизни не очень

понравилась; зато сочиненная графиней ффеерія, гдѣ были и разбойники, и раскаявшаяся душа, возносимая на небо ангелами, вызвала шумныя одобренія. Особый успѣхъ имѣлъ самый младшій Толстой, Ваничка, въ роли ангела. Послѣ спектакля на лужайкѣ и прудѣ были сожжены ффейерверкѣ, вызвавшій также не мало восторговъ у деревенской публики. Въ этотъ вечеръ всѣ Толстые были очень милы, оживленны и ласковы. Деревенскіе мальчики и дѣвочки, мужики и бабы чувствовали себя съ ними совершенно свободно.

Въ другой разъ забрели въ барскую усадьбу евреи съ Петрушкой и шарманкой. Ихъ устроили въ томъ же чуланѣ, который служилъ помѣщеніемъ для лѣтняго театра. Вечеромъ состоялся спектакль къ восторгу деревенскихъ ребятъ. Петрушка былъ довольно забавенъ. Кромѣ того, были тутъ и фокусы, и разыгранный въ лицахъ анекдотъ о томъ, какъ посѣтитель харчевни нашелъ въ щажъ тряпку, а хозяинъ на его жалобу спокойно замѣтилъ: «А тебѣ на пятакъ, да съ бархатомъ». Ребята хохотали, Левъ Николаевичъ отъ нихъ не отставалъ, и когда его позвали въ домъ прощаться съ уѣзжавшими родными, онъ просилъ меня досидѣть до конца спектакля и рассказать ему, чѣмъ все кончится.

* * *

Это было задолго до освободительнаго движенія и аграрныхъ волненій. Но въ Ясной Полянѣ тогда часто говорили о земельномъ вопросѣ. Левъ Николаевичъ увлекался тогда Генри Джорджемъ и, по своему обыкновенію, заговаривалъ

объ интересующемъ его предметѣ со всякимъ, въ комъ надѣялся вызвать сочувствіе или возраженіе. Теперь сочиненіе Генри Джорджа есть въ русскомъ переводѣ, а главное его изслѣдованіе «Прогрессъ и бѣдность» выдержало нѣсколько изданій на русскомъ языкѣ. 15 лѣтъ тому назадъ я ничего не зналъ объ этомъ американскомъ мыслителѣ и имя его въ первый разъ услышалъ въ Ясной Полянѣ.

Не знаю, впервые ли тогда и подѣ влияніемъ ли именно сочиненій Генри Джорджа, но Левъ Николаевичъ усиленно сталъ думать о неестественности и вредѣ крупныхъ землевладѣній, въ которыхъ господа являются владѣтелями, но не хозяевами. Въ Ясной Полянѣ гр. Толстымъ принадлежало тогда, какъ я сказалъ, около тысячи десятинъ; кромѣ того, въ Самарской губерніи было нѣсколько тысячъ десятинъ, раздѣленныхъ между дѣтьми. Но изъ сыновей гр. Толстого только старшій, Илья Львовичъ, занимался тогда хозяйствомъ. Дѣла вели управляющіе, и хозяйство шло плохо. А крестьяне, жившіе возлѣ толстовскихъ помѣстій, терпѣли нужду отъ малоземелья.

— Вчера я вижу—разсказывалъ самъ Левъ Николаевичъ—лежить у дороги женщина, спитъ, а рука завязана веревкой. на которой пасется лошадь. Очевидно, устала, а боится упустить лошадь: сдѣлаетъ поправу — штрафъ.

Левъ Николаевичъ отъ подобныхъ картинъ переходилъ къ обобщеніямъ въ духѣ Генри Джорджа.

— Владѣніе земель, — говорилъ онъ, — такъ же незаконно, какъ и владѣніе душами. Кто держитъ у себя источникъ питанія, тотъ держитъ въ своей зависимости неимущихъ. Для меня это теперь понятно съ поразительной ясностью. А сколько еще нужно времени, чтобы эта мысль вошла въ общее сознаніе! Я самъ жилъ двадцать лѣтъ, не сознавая этого. Вотъ Генри Джорджъ лѣтъ тридцать тому назадъ такъ

ясно и просто выяснилъ все, а о немъ какъ-то и не слышно. и какіе-нибудь профессоры его опровергаютъ.

Генри Джорджъ, котораго скорѣй можно назвать идеалистомъ, чѣмъ практическимъ политико-экономомъ, предлагалъ слѣдующую мѣру для уничтоженія крупныхъ землевладѣній. Правительство облагаетъ землю высокимъ налогомъ. Крупные землевладѣльцы при такихъ условіяхъ не выдержатъ и предпочтутъ уступить свои земли государству. Земли станутъ національнымъ достояніемъ, а не частной собственностью. Государство отъ себя будетъ отдавать землю въ пользованіе тѣмъ, которые сами будутъ ее обрабатывать. У Толстого мысли склонялись къ такому же или подобному рѣшенію аграрнаго вопроса.

Мальчики, его сыновья, рассказывали, что управляющій въ Ясной Полянѣ никуда не годится: поздно всагаетъ, часто бываетъ пьянъ, не умѣетъ ничѣмъ распорядиться, разводитъ лишь пьянство и воровство; мужики на полѣ снопы для управляющаго дѣлаютъ худые, а для себя полные; сѣна поставлено меньше, чѣмъ слѣдовало. Графиня Софья Андреевна, слушая подобные рассказы, всегда начинала волноваться: всѣ воры и мошенники; она одна не можетъ справиться съ хозяйствомъ, никто ей не помогаетъ, и т. д. Левъ Николаевичъ тогда начиналъ вступаться за обвиняемыхъ: онъ говорилъ, что нельзя вѣрить всякимъ толкамъ, не провѣривъ ихъ; что нельзя обзывать всѣхъ мошенниками изъ-за единичныхъ случаевъ. Но онъ, очевидно, не искалъ способовъ улучшенія хозяйства въ Ясной Полянѣ и искренно хотѣлъ развязаться съ землей. Онъ вѣрилъ или, по крайней мѣрѣ, старался увѣрить себя и насъ, что скоро наступитъ то время, когда не будетъ частной земельной собственности. «Я вамъ завидую», говорилъ онъ мнѣ: «вамъ придется жить въ новую эпоху и переживать такое время, какое мы переживали въ эпоху освобожденія крестьянъ».

Какъ примѣръ того, что признаки этой новой эпохи уже наступаютъ, Левъ Николаевичъ указывалъ на какую-то книжку или статью, въ которой доказывалось, что пройдетъ еще нѣсколько времени, и крупныя землевладѣльцы не выдержатъ. такъ какъ хлѣбное хозяйство можетъ существовать лишь въ рукахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые сами работаютъ и питаются этимъ; что крупныя землевладѣнія скоро разорятся сами собой, даже безъ вмѣшательства правительства и повышенныхъ налоговъ, которые рекомендуетъ Генри Джорджъ. Левъ Николаевичъ приводилъ въ примѣръ также своихъ знакомыхъ и родственниковъ, владѣльцевъ земли. У всѣхъ у нихъ одно и то же: или убытки, или ничтожныя барыши. Графиня Софья Андреевна къ этому прибавляла, что на Ясной Полянѣ они имѣютъ изъ года въ годъ только убытки.

* * *

Какъ бы то ни было, но семейство гр. Толстыхъ не находило для себя возможнымъ раздѣлаться съ землей, и пока дѣти (а ихъ тогда было девять человѣкъ) не начали заниматься хозяйствомъ въ своихъ частяхъ, графинѣ приходилось нести на себѣ все бремя хозяйственныхъ заботъ. А забота было не мало.

Въ августѣ рабочіе не захотѣли итти на уборку хлѣба къ Толстымъ ни за деньги, ни для отработки дней. Причиной этого были безтолковые управляющій и староста, которые вели дѣла до того дурно, что народъ совсѣмъ не слушался ихъ распоряженій. Графиня страшно раскипятилась. Чуть не плача, она жаловалась, что на нее все навалили—и воспитаніе дѣтей, и управленіе имѣніемъ; мужъ ничего не хочетъ

дѣлать; съ мужиками нужно на этотъ разъ поступить круто, пригрозить, что имъ не дадутъ ни покосовъ, ни лѣсу. ни земли въ наемъ; она—женщина, этого дѣла не любитъ и не понимаетъ; она измучена хозяйствомъ; она покажетъ себя мужикамъ и т. д. Льву Николаевичу пришлось на этотъ разъ долго успокаивать свою жену и много говорить — и о томъ, что проступки отдѣльныхъ лицъ нельзя сваливать на весь народъ; и о томъ, что народъ жаждетъ работы и если не идетъ на нее, то, значитъ, тутъ что-то не ладно; и о томъ, что хозяйство идетъ хорошо не отъ машинъ, а отъ отношенія къ народу; и о томъ, наконецъ, что если владѣютъ землей люди, которые не обрабатываютъ ее, то тутъ ничего нельзя ожидать, кромѣ безнравственной безтолковщины. Вечеромъ былъ созванъ сходъ, и графиня сама говорила съ мужиками. Она сгоряча грозилась только въ своей семьѣ. Съ мужиками все, повидимому, благополучно уладилось.

Вскорѣ послѣ этого мы со Львомъ Николаевичемъ и еще нѣсколькими гостями дѣлали прогулку по деревнѣ. Ясная Поляна тянется отъ барской усадьбы одной улицей почти на три четверти версты. Народъ, по внѣшнему виду, живетъ здѣсь зажиточно. Есть много каменныхъ домовъ подъ соломенной крышей. Былъ субботній вечеръ. Крестьяне возвращались съ работъ; многіе сидѣли у крылечекъ. Всѣ здороваются, кланяются. Левъ Николаевичъ то перекинется словомъ, то вступитъ въ разговоры. Съ однимъ старикомъ, самымъ старымъ въ деревнѣ, онъ вспомнилъ, что недавно они втроемъ съ Николай Николаевичъ Ге копали яму для умершей бабы; Ге уже пошелъ туда же; чья-то теперь очередь? У молодой женщины, разошедшейся съ мужемъ, спросилъ, какъ у нихъ теперь дѣло. Она рассказала ему о своей тяжбѣ съ мужикомъ изъ-за земли. Другая, съ ребенкомъ на рукахъ, встала, поклонилась и только сказала: «благодарю, ваше сіятельство!» Не знаю, за что она благодарила.

— Хотите ли, — неожиданно обратился къ намъ Левъ Николаевичъ, — я вамъ покажу мужика-либерала? Онъ много читаетъ, о чемъ угодно можетъ говорить, и Демосфена знаетъ.

Но мужикъ-либераль, оказалось, не прѣѣхалъ еще съ поля. Зато Левъ Николаевичъ показалъ намъ самага бѣднаго мужика, о которомъ онъ говорилъ, что если бы этотъ мужикъ имѣлъ 2000 десятинъ и былъ камергеромъ, то при дворѣ онъ былъ бы первымъ человѣкомъ: до того онъ остроуменъ и всегда веселъ. Къ хозяйству онъ рѣшительно неспособенъ и не любитъ его: все у него еле держится, но онъ не унываетъ.

На самомъ концѣ улицы стояла полуразвалившаяся, единственная въ деревнѣ курная изба. Левъ Николаевичъ постучалъ въ окно, окликнулъ хозяина, и мы вошли въ сѣни. Въ черной, покрытой блестящимъ налетомъ копоти избенкѣ насъ встрѣтилъ хозяинъ, низкорослый бѣлокурый мужикъ съ веселыми глазами, и двѣ его дочери-дѣвушки, изъ которыхъ одна, бѣлая и рыхлая, безъ переднихъ зубовъ, держала на рукахъ своего незаконнорожденнаго ребенка. Жена хозяина умерла. У нея часто рождались дѣти, но она ихъ не кормила, и они умирали съ голоду. Когда она умерла отъ родовъ, съ ея послѣднимъ ребенкомъ точно такъ же поступила ея дочь, которой пришлось разомъ кормить и своего незаконнорожденнаго сына, и новорожденнаго брата. Братъ умеръ, сынъ остался живъ. Все это зналъ Левъ Николаевичъ, и все это онъ намъ рассказалъ послѣ. Теперь же ему хотѣлось показать намъ хозяина съ его наилучшей стороны.

Заговорили о хозяйствѣ; узнали, что лошади уже нѣтъ. «Да и мужика нѣтъ», смотря на него смѣющимися глазами, говорилъ Левъ Николаевичъ. «Мужикъ - то есть», отвѣтилъ тотъ подмигивая: «кой-какъ топчется. Да что богатство? И богатые и бѣдные, всѣ тамъ будемъ. Сгніешь, сопрѣешь и ничего не останется. А что это рассказываютъ намъ про рай.

да про адъ—это все вранье, только путаютъ насъ. Хорошо живется — вотъ тебѣ рай; а какъ живется такъ, какъ я хоть бы,—вотъ тебѣ адъ, хуже не надо». Онъ грамотный и любитъ читать псалтирь. Но послѣднее время у него начали болѣть глаза, очевидно, отъ дымной избы и дурной пищи, и онъ хотѣлъ закатить себѣ кровавыя банки. Левъ Николаевичъ сталъ уговаривать его не дѣлать этого, а лучше сдѣлать изъ овса крупу (все равно лошади нѣтъ!) и ѣсть овсянку или кисель. Мы распрощались съ веселымъ философомъ и молча пошли дальше.

Выйдя за деревню, мы поворотили вправо къ опушкѣ лѣса. Какой-то мужикъ оканчивалъ пахать полосу. У него хорошая городская лошадь. «Мой бывший ученикъ», сообщилъ намъ Левъ Николаевичъ: «глупъ былъ чрезвычайно. Теперь хозяйственный мужикъ; въ Тулу извозчикомъ ѣздитъ. Удивительно, что способности къ ученію почти постоянно не сходятся съ хозяйственными способностями». Какъ уроженецъ Полтавской губерніи, я никогда раньше не видѣлъ великорусской сохи и заинтересовался ею. «Отличный инструментъ», отрекомендовалъ соху Левъ Николаевичъ и сталъ показывать, какъ нужно управлять сохой и лошадью вмѣстѣ. «Ваше сіятельство-то умѣете», приговаривалъ мужикъ. Я попробовалъ; у меня ничего не вышло. Мужикъ сталъ распрягать лошадь. Левъ Николаевичъ ему помогалъ, но ошибся и распустилъ не ту веревку. Мужикъ его поправилъ. Левъ Николаевичъ сознался въ ошибкѣ и слегка покраснѣлъ.

«Люблю я пахать», говорилъ онъ отходя, «и очень жалю, что нынѣшній годъ не пахалъ». — «Да что вашему сіятельству беспокоиться», приговаривалъ вслѣдъ мужикъ: «это намъ пахать; нужда пашеть». Левъ Николаевичъ не отвѣчалъ ему ничего. Въ такихъ случаяхъ онъ молча уходилъ.

Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ.

I.

Я познакомился съ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ лѣтомъ 1894 года въ Ясной Полянѣ. Николай Николаевичъ гостилъ все это лѣто въ семействѣ гр. Толстыхъ, а я состоялъ тамъ репетиторомъ двухъ сыновей-гимназистовъ.

Когда я пріѣхалъ въ половинѣ іюня этого года въ Ясную Поляну и вошелъ въ залъ къ утреннему чаю, я увидѣлъ за столомъ, кромѣ гувернантки съ младшими дѣтьми, какого-то старика съ длинной сѣдой бородой и пожелтѣвшими отъ табачнаго дыма усами. Старикъ курилъ и читалъ гезеты.

Я не зналъ, что это былъ Страховъ, да если бы и зналъ, его имя сказало бы мнѣ очень мало. Въ единственной тогда исторіи новѣйшей русской литературы, составленной А. М. Скабчевскимъ, о Страховѣ было сказано нѣсколько пренебрежительныхъ строкъ, изъ которыхъ можно было только понять, что это писатель, не стоящій вниманія.

Старикъ съ сѣдой бородой, пока старшіе Толстые не вышли къ чаю, вступилъ со мной въ разговоръ, оставивъ свои газеты.

Познакомившись потомъ ближе со Страховымъ и наблюдал его отношенія съ Л. Н. Толстымъ, я понялъ, почему ихъ связывала дружба. Страховъ былъ очень образованный человѣкъ. Въ духовной семинаріи онъ прошелъ богословскую школу, въ университетѣ — естественно-научную. Самообразованіемъ онъ

достигъ большихъ познаній въ философіи и литературѣ. Кругъ интересовъ Страхова былъ чрезвычайно широкъ. Онъ постоянно читалъ — журналы, газеты, книги на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкахъ. Такой разносторонне и широко образованный человекъ былъ находкой для Толстого. Онъ помогалъ писателю быть въ курсѣ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ идей времени. Вотъ почему они стали друзьями: Толстой цѣнилъ образованность Страхова; Страховъ преклонялся передъ литературнымъ гениемъ Толстого.

Въ первый вечеръ моего пребыванія въ домѣ Толстыхъ мы собрались у круглаго стола въ залѣ. Дѣвицы играли въ какую-то игру, въ которой нужно было двигать шашки по замысловатымъ узорамъ на бумагѣ; дамы работали. Левъ Николаевичъ спрашивалъ Страхова о журнальныхъ новостяхъ. Разговоръ перешелъ на поэтовъ.

— Не понимаю и не люблю стиховъ, — заявилъ Левъ Николаевичъ, — это какіе-то ребусы, къ которымъ нужно давать разъясненія.

— А вы сами когда-то увлекались Фетомъ, — замѣтилъ на это Страховъ, который былъ поклонникомъ и другомъ Фета, написалъ предисловіе къ посмертному изданію его стиховъ и собирался писать его большую біографію.

— То было время, — упорствовалъ Левъ Николаевичъ, — тогда стихи имѣли смыслъ, а теперь нѣтъ. Да, въ 40-хъ годахъ Фетъ писалъ милыя, хорошія вещи, изъ которыхъ я многія знаю наизусть; а въ послѣднихъ нѣтъ ни поэзіи, ни смысла. Ну-ка, у кого ноги быстрыя, принесите Фета.

Быстрыя ноги оказались у старшей дочери, Татьяны Львовны. Она принесла два тома новаго изданія стихотвореній Фета, и Левъ Николаевичъ сталъ ихъ перелистывать.

— Слушайте!—Онъ началъ читать вслухъ стихотворенія «Алмазъ», «Сивилла» и др.

— Ну, что это такое? Не понимаю. А ну, это кто пойметъ, тому двугривенный дамъ. Ну-ка, Николай Николаевичъ, вы специалистъ по этой части, объясните! Э, вижу, сами не понимаете.

Левъ Николаевичъ, впрочемъ, говорилъ это полушутя, и присутствовавшіе относились не серьезно къ его словамъ. Одна графиня Софья Андреевна энергично возражала мужу, объясняла стихи Фета, которые онъ отказывался понять, указывала на то, что когда-то Левъ Николаевичъ понималъ любовь, а теперь уже не можетъ понять. Я едва удерживался отъ смѣха, когда Левъ Николаевичъ нарочно выбиралъ самыя туманныя стихотворенія и читалъ ихъ со своими курьезными примѣчаніями. Страховъ, специалистъ по Фету, не защищалъ и не спорилъ. Въ кругу Толстыхъ онъ былъ мягокъ и деликатенъ, хотя по выраженію его лица и по его (особенному смѣшку видно было, что изъ него не легко выбить то, въ чемъ онъ увѣренъ.

Графиня стала рассказывать о Фетѣ, о процессѣ его творчества. Самъ Фетъ говорилъ ей, что онъ никогда не сочинялъ стиховъ, что у него такъ: «ходить — и вдругъ является».

— Ну, ужъ скорѣе чудесамъ Иверской повѣрю, чѣмъ этому, — сказалъ на это Левъ Николаевичъ. — Все сочиняють. Можетъ быть, что-нибудь явится, настроеніе, мысль, а все остальное сочиняють. И зачѣмъ пишутъ? Еще повѣсть такъ-сякъ: когда отупѣешь, можно читать; а стихи — это какой-то умственный развратъ.

Все это говорилось въ томъ же полушутливомъ тонѣ, который не выражалъ истинныхъ мнѣній Толстого. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора редакція «Посредника» была занята подготовленіемъ сборника стиховъ для дешеваго народнаго изданія. Страховъ выбралъ около десяти стихотвореній изъ Фета для этого сборника и представилъ ихъ на утвержденіе Толстому. Левъ Николаевичъ изъ нихъ утвердилъ всѣ

описательныя стихотворенія, которыя онъ особенно любитъ у Фета, и отвергъ стихотворенія полуясныя, съ неопредѣленными порывами, а также стихотворенія анакреонтическія, красота которыхъ ему представлялась слишкомъ условной.

Хотя Страховъ бывалъ въ Воробьевкѣ, имѣннїи Фета, и многое зналъ о его жизни, но, собираясь писать большую біографію поэта, онъ разспрашивалъ о немъ у Толстого, который давно и близко былъ знакомъ съ Фетомъ. Въ разсказахъ Льва Николаевича о Фетѣ всегда звучала юмористическая нота. Онъ подсмѣивался надъ его увлеченіемъ классицизмомъ. Фетъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка, но такъ какъ у нѣмцевъ — классицизмъ, то и онъ толковалъ о необходимости греческаго языка въ русскихъ гимназіяхъ. Относительно наслѣдника литературныхъ правъ Фета Толстой высказывалъ предположеніе, что тотъ немного получитъ отъ его сочиненій, такъ какъ стихотворенія Фета будутъ печататься еще довольно долго, но расходиться будутъ мало, а его переводы и того меньше.

Я задалъ вопросъ, который меня интересовалъ и раньше: что читалъ Фетъ? «Французскіе романы, отвѣчалъ Левъ Николаевичъ, иногда русскіе, а иной разъ и другую книжку возьметъ». Онъ отзывался о Фетѣ, какъ о человѣкѣ очень способномъ, но удивительно лѣнливомъ, питавшемъ отвращеніе ко всякой подготовительной работѣ, и разсказывалъ примѣры, какъ Фетъ не любилъ и прямо не могъ исправлять и передѣлывать того, что написалъ.

II.

Н. Н. Страховъ не оставлялъ лѣтомъ своихъ литературныхъ работъ и былъ между прочимъ занятъ корректурой сочиненія Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», которое выходило вторымъ изданіемъ.

Я вызвался помочь ему и взять для корректуры одинъ изъ первыхъ листовъ, но оказался плохимъ корректоромъ, такъ какъ заинтересовался содержаніемъ и пропускалъ ошибки въ словахъ и знакахъ препинанія. Въ моемъ листѣ проводилась такая параллель между западной Европой и Россіей, которая въ устахъ русскаго автора показалась мнѣ большимъ самохвальствомъ. По Данилевскому, на Западѣ въ политикѣ и религіи всегда было насиліе; у насъ — добровольное признаніе правителей и религіозная терпимость. Тамъ всякой реформѣ предшествовала кровавая борьба партій; у насъ реформа назрѣваетъ изнутри, а потомъ совершается безболѣзненно, и т. д.

За вечернимъ чаемъ у меня со Страховымъ завязался разговоръ по поводу содержанія моего корректурнаго листа. Я нападалъ на Данилевскаго за чрезмѣрную идеализацію русской исторіи, Страховъ защищалъ его.

Левъ Николаевичъ сначала былъ углубленъ за сосѣднимъ столомъ въ просмотръ своей статьи «Христіанство и патріотизмъ», напечатанной впервые по-англійски въ газетѣ «Daily

Chronicle»; потомъ онъ подсѣлъ къ чайному столу и занялся блюдомъ съ ягодами.

— Эге, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, прислушиваясь къ нашему спору: — у васъ, очевидно, завелся тутъ противникъ изъ другого лагеря.

Страховъ засмѣялся. — Да, очевидно, мы съ Владиміромъ Федоровичемъ разныхъ лагерей, — сказалъ онъ обо мнѣ.

— А я, грѣшнѣйшій человѣкъ, — продолжалъ Левъ Николаевичъ, — согласенъ съ тѣмъ, что говоритъ Владиміръ Федоровичъ, это былъ всегдашній пунктъ моего разногласія со славянофилами.

Тутъ Толстой сталъ долго говорить на тему, о которой писалъ въ статьѣ «Христіанство и патріотизмъ». Для него всѣ люди равны, и ближе не тотъ, кто говоритъ на языкѣ похожемъ, а тотъ, у кого болѣе высокіе духовные интересы. — Вотъ я сейчасъ пишу письмо къ англичанину. Я его никогда въ глаза не видалъ, а онъ мнѣ ближе многихъ изъ тѣхъ, кого я вижу каждый день.

Разгораясь все больше и больше, Толстой сталъ говорить о вредѣ патріотизмовъ всѣхъ сортовъ, которые ведутъ только къ самодовольству и разъединенію людей. Онъ съ такой энергіей напалъ на русскій патріотизмъ, русскую исторію, русскую церковь, что хотя я долженъ былъ видѣть въ немъ союзника, но мнѣ стало жаль бѣдную Россію въ его раздѣлкѣ. Когда ему нужны были примѣры, онъ ссылался на статьи Владиміра Соловьева, въ которыхъ тотъ полемизировалъ противъ славянофиловъ. За собой Толстой не признавалъ достаточныхъ историческихъ знаній для такого спора. Страховъ пытался защищать Россію, возражалъ разомъ и противъ своего литературнаго противника Владиміра Соловьева, и противъ Толстого, но защита его выходила слишкомъ слабой въ сравненіи съ бурнымъ натискомъ Льва Николаевича.

— Впрочемъ, всѣ эти разные толки — ни къ чему, — обо-

рвалъ споръ Толстой. — Люди занимаются ими отъ праздности. Когда нужно сѣнокосъ убирать, этими пустяками некогда заниматься. Когда умъ говорить, что нужно осуществлять стремленіе къ царству Божію на землѣ, тогда нечего прибѣгать къ исторіи: все само приладится. А я лично не могу отрѣшиться отъ этихъ мыслей: это моя жизнь. Не сегодня — завтра я, можетъ быть, пойду съ ними къ Богу. Я считаю своею обязанностью, своимъ нравственнымъ долгомъ говорить объ этомъ. Можетъ быть, я для этого родился на свѣтъ.

На другой день, когда мы со Львомъ Николаевичемъ косили въ саду послѣ обѣда, онъ вспомнилъ вчерашній разговоръ. — Что это вы все задираете Николая Николаевича, — обратился онъ ко мнѣ. — А я нарочно прочелъ сегодня листъ Данилевскаго, гдѣ онъ говоритъ, что мы хороши, а Европа не хороша. Николай Николаевичъ — другъ Данилевскаго и защищаетъ его. Это у него слабая сторона, старое преданіе о совмѣстной работѣ съ Достоевскимъ и славянофилами!

Мнѣ давно хотѣлось узнать мнѣніе Льва Николаевича о Страховѣ, и я воспользовался этимъ случаемъ. — Въ чемъ сила Николая Николаевича, какъ критика, — спросилъ я: — въ тонкомъ художественномъ чутьѣ?

— Отчасти въ этомъ, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ: — а главное — онъ очень остороженъ и имѣетъ то, что китайцы называютъ уваженіемъ (у нихъ это особенная духовная способность — умѣть уважать). Николай Николаевичъ всегда сумѣетъ взглянуть на предметъ съ наиболѣе выгодной его стороны и освѣтить ее. Но вообще онъ не блестящій талантъ. Это я долженъ сказать, хоть и очень люблю его.

Изъ-за книги Данилевскаго «Россія и Европа» Страховъ запутался въ полемику съ Владиміромъ Соловьевымъ. Толстому это не нравилось. Онъ жаловался, что полемика давно уже перешла на мелочи и мало интересныя частности.

— Какъ расскажетъ мнѣ Николай Николаевичъ, я помню,— говорилъ онъ: — а потомъ сейчасъ же все забудешь. Пишутъ, пишутъ, а зачѣмъ? Потому что обезпечены, и времени дѣвать некуда. Занимались бы лучше насущными вопросами. Отъ бездѣлья ученые, никому ненужные споры и стихи Фета.

Когда Страховъ въ новой книжкѣ «Вѣстника Европы», въ которой Вл. Соловьевъ печаталъ свои статьи, начиналъ возбужденно жаловаться на полемическіе приемы своего противника, Толстой говорилъ ему шутливо-поучительно: «Сами зачѣмъ этими вещами занимаетесь? Все оттого, что получаете большіе оклады».

Сидѣли мы со Страховымъ и говорили о Вл. Соловьевѣ по поводу его статьи о поэтѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ. Подошелъ Левъ Николаевичъ и спросилъ, чѣмъ мы заняты. Страховъ добродушно отвѣчалъ, что онъ «изливалъ злобу на своего врага», а я не могъ не сознаться, что Вл. Соловьевъ мнѣ нравится своимъ бодрымъ тономъ и остроуміемъ.

— Да, это писатель очень способный,— сказалъ Левъ Николаевичъ:— но очень странна его судьба. — Съ помощью Страхова онъ сталъ припоминать, какъ блестяще выступилъ Вл. Соловьевъ послѣ окончанія университета двадцатилѣтнимъ юношей сначала какъ авторъ статьи, въ которой критически разбирался позитивизмъ, потомъ какъ лекторъ передъ многочисленной публикой.

— Эти лекціи,— рассказывалъ Левъ Николаевичъ,— были бредъ сумасшедшаго, и чѣмъ меньше онѣ были понятны, тѣмъ больше имѣли успѣха. Просто удивительно теперь вспомнить. Сидятъ старики, почтенные люди, и слушаютъ, какъ мальчикъ съ длинными волосами, въ бѣломъ галстукѣ несетъ вздоръ, и слушаютъ внимательно, серьезно.

— Это были чтенія о религіи,—вставилъ свое замѣчаніе Страховъ:—Соловьевъ излагалъ христіанскіе догматы на научныхъ основаніяхъ. Но дѣйствительно, когда онъ говорилъ,

напримѣръ, о силахъ небесныхъ, то это выходило что-то въ родѣ гностицизма.

— Ну, вотъ видите, и лучше вышло, — засмѣялся Толстой.

— Это были теософическія лекціи, — продолжалъ пояснять Страховъ.

— Еще лучше вышло, — похвалилъ Толстой и рассказалъ анекдотъ о томъ, какъ у одного короля была неприличная болѣзнь (онъ постоянно выпускалъ газы); но доктора назвали болѣзнь латинскимъ именемъ, и сразу стало приличнѣе.

Въ началѣ августа Страховъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ часто вспоминалъ его, особенно по вечерамъ, когда мы собирались за чайнымъ столомъ: «Нѣтъ Николая Николаевича!»

Какъ ни хороша Ясная Поляна для уединенной жизни серьезнаго мыслителя, но писатель нуждается въ обществѣ людей, стоящихъ на уровнѣ современнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Н. Н. Страховъ былъ для Л. Н. Толстого рѣдкой, не легко замѣнимой находкой.

III.

Какъ-то Левъ Николаевичъ сказалъ о Страховѣ: «Какъ посмотрю я на Николая Николаевича, быть бы ему архіереемъ; хорошій бы архіерей вышелъ». Дѣйствительно, Страховъ — съ открытымъ лицомъ, длинной сѣдой бородой, благообразный, спокойный и мягкій — по наружности былъ бы хорошимъ архіереемъ. Славянофильская окраска его мнѣній также не противорѣчила бы этому званію. Вышедшій изъ духовнаго званія, всегда жившій уединенной жизнью ученаго холостяка, Страховъ, вѣроятно, съ достоинствомъ вынесъ бы монашескій подвигъ, если бы это отъ него потребовалось. Но если бы изъ Страхова вышелъ хорошій архіерей, Толстой потерялъ бы одного изъ лучшихъ своихъ критиковъ.

Я не знаю лучшаго разбора «Войны и Мира», чѣмъ тотъ, который сдѣланъ Страховымъ. Такъ могъ писать только человекъ, который страстно полюбилъ это произведеніе, который часто повторялъ, что «Война и Миръ» — величайшій романъ XIX вѣка не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Для Страхова 1868-й годъ былъ величайшимъ годомъ въ лѣтописяхъ русской литературы, потому что тогда появилась «Война и Миръ».

Меня положительно трогаетъ, когда я читаю, что Страховъ, тогда уже опытный въ своемъ дѣлѣ критикъ, приступалъ къ объясненію этого громаднаго литературнаго явле-

нія «не безъ сомнѣнія въ своихъ силахъ». Для Страхова романъ «Война и Миръ» былъ недостижимымъ образцомъ русскаго реализма, сущность котораго онъ полагалъ въ томъ, что авторъ не фотографируетъ только внѣшность и не увлекается изображеніемъ темныхъ сторонъ жизни, но внимательно всматривается въ душевный міръ дѣйствующихъ лицъ и непрестанно ищетъ проявленія красоты души чело-вѣческой. Толстой взялъ сюжетомъ своего произведенія двѣнадцатый годъ, эпоху высшаго напряженія народныхъ силъ, и, разсматривая всевозможные виды и оттѣнки такъ называемаго героизма, пришелъ къ такому выводу: «нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, доброты и правды».

По мѣрѣ того, какъ «Война и Миръ» печаталась отдѣльными частями, Страховъ «съ замираніемъ сердца и малодушнымъ страхомъ ожидалъ конца великаго и безцѣннаго дѣла». Какъ ни сдержанъ по натурѣ былъ Страховъ, но онъ далъ вылиться свободно своему восторгу, когда романъ, былъ, наконецъ, завершенъ.

«Какая громада, — писалъ онъ, — и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ ни одна литература... Теперь наша литература не только подаетъ надежды, что можно было сказать о ней, судя по Тургеневу, Островскому, Некрасову, но имѣетъ зрѣлый плодъ, который принадлежитъ къ самымъ великимъ, къ самымъ лучшимъ созданіямъ поэзіи, какія мы только знаемъ и можемъ вообразить».

Поворотъ въ сторону нравственныхъ вопросовъ, происшедшій съ Толстымъ въ 80-хъ годахъ, не оттолкнулъ отъ него Страхова, какъ это произошло съ нѣкоторыми критиками либеральнаго лагеря. Когда въ беллетристическихъ произведеніяхъ Толстого все яснѣе и яснѣе стали звучать религіозныя ноты, это не только не показалось Страхову неумѣстнымъ, но открыло ему въ Толстомъ еще одну привлекательную сторону, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его

духовнымъ потребностямъ. Когда Толстой обратился къ спеціально богословскимъ вопросамъ, Страховъ привѣтствовалъ это отъ всей души. Самъ онъ выросъ въ средѣ русскаго духовенства, прошелъ до университета богословскую школу и съ прискорбіемъ отмѣчалъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ чрезвычайно мало занимаются религіозными вопросами. Страховъ далеко не былъ толстовцемъ. Я думаю даже, что въ религіозномъ отношеніи онъ стоялъ ближе къ православнымъ славянофиламъ, чѣмъ къ толстовцамъ. Но онъ совершенно вѣрно указывалъ, что первымъ полезнымъ послѣдствіемъ религіозно-богословскихъ разсужденій Толстого будетъ обращеніе свѣтскихъ русскихъ читателей къ вопросамъ, которые одни изъ нихъ привыкли считать дѣломъ устарѣлымъ, недостойнымъ ихъ просвѣщеннаго вниманія, другіе же равнодушно предоставляли спеціалистамъ, готовые равнодушно присоединиться къ официальному богословію.

Н. Н. Страховъ умеръ отъ рака въ январѣ 1896 года, т.-е. года полтора послѣ того, какъ я съ нимъ встрѣтился и познакомился въ Ясной Полянѣ. Въ то время я бывалъ у гр. Толстыхъ въ ихъ московскомъ домѣ, и мнѣ приходилось говорить о покойномъ съ Львомъ Николаевичемъ. Онъ отзывался о Страховѣ съ большой любовью и уваженіемъ, особенно указывалъ на его всестороннюю образованность и очень хотѣлъ знать, какъ умиралъ его старый другъ.

Со словъ близкихъ родныхъ ему сообщили, что Страховъ не зналъ о приближеніи смерти, такъ какъ ему не говорили о томъ, что ракъ уже распространился на легкія. Послѣдними словами Страхова были: «Ну, я отдохнулъ, теперь поработаю». Онъ умеръ безъ всякой агоніи. *и АТК*

80 К.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книготорговое Т-во „КУЛЬТУРА“.
С.-Петербургъ, 3-я Рождественская, 26.